

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

ВОВКА ЦЕНТРОВОЙ

К Н И Г А # 4

Андрей Готлибович Шопперт

Вовка-центровой 4

Серия «Вовка-центровой», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68940123

Вовка-центровой – 4: Avtorskie-txt; 2022

Аннотация

Закончилась зима, а с ней и хоккейный сезон. Впереди лето, а значит – футбол. Вот только Главный тренер футбольной команды «Динамо» (Москва) Михаил Иосифович Якушин, также известный в футбольных кругах, как «Хитрый Михей», не хочет брать Владимира Фомина в основную команду. Да и в дубль не хочет. На дворе 1948 год и Фомину недавно исполнилось шестнадцать лет.

Содержание

Глава 1	4
Событие первое	4
Событие второе	10
Событие третье	16
Глава 2	21
Событие четвёртое	21
Событие пятое	28
Глава 3	35
Событие шестое	35
Событие седьмое	41
Событие восьмое	46
Глава 4	51
Событие девятое	51
Событие десятое	56
Событие одиннадцатое	61
Глава 5	66
Событие двенадцатое	66
Глава 6	80
Событие тринадцатое	80
Событие четырнадцатое	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Андрей Шопперт

Вовка-центровой – 4

Глава 1

Событие первое

Бытие определяет сознание.
Карл Маркс

Генерал-лейтенант Пономарёв Иван Михайлович, назначенный начальником Политуправления Советских войск в Германии, девок водить разрешил Вовке. Что тот при первой возможности и сделал. Привёл двух девок и усадил их на огромную скрипучую кровать. Скрипели пружины, ну, или как эта конструкция называется – небольшие пружинки натянутые на колечки и перемычки там всякие. Пусть будет – пружинная сетка. Скрипели спинки, скрипели шарниры или колёсики внизу. Словом – музыкальная кровать. Девки принялись прыгать на кровати, вызывая, скорее всего, у обитательниц соседних квартир понимающие ухмылки на подмигивающих своим половинам физиономиях. Слышимость в доме была приличная. Виной тому, наверное, куча вся-

ких воздухопроводов и дымоходов в стенах. Обычный разговор в соседней квартире слышался невнятным бубнежом, а вот покрикивание на детей вполне себе слышалось отчётливо. Есть плюсы в будущем, построил себе коттедж на Рублёвке с участком в гектар и скрип вечером кроватей у соседей едва ли услышишь.

Ещё один минус был у квартиры генеральской. Вовка сначала подумал, что это раз лето, то потому и нет горячей воды, но тётка Степанида его радужные заблуждения развеяла. В доме нет ни горячей воды, ни центрального отопления. Потому и стоит буржуйка. Её зимой нужно топить. Вроде управдом говорил, что летом следующего года во дворе построят котельную небольшую на пять-шесть соседних домов и тогда будет и тепло и вода горячая круглый год, а пока перекантуетесь. Благо в подвале дома для каждой квартиры оборудован дровяник и генерал его ещё весной забил под завязку берёзовыми дровами и углём.

Девки попрыгали на кровати и захотели чая. Вот с чаем была проблема. И не только с чаем. Проблема была с любой едой. Степанида Гавриловна, как её Вовка называл, после того как в Ташкенте плеснула на себя керосин и обгорела, ни примус, ни керогаз на дух не переносила, и впала в истерику, когда Вовка предложил купить керогаз.

Вообще, столкнувшись с этим изобретением человечества впервые уже в Москве, дома у Фоминых была электроплитка, Вовка его тоже невлюбил, не до истерики, как «Сте-

ша», но зубами скрежетал каждый раз, как наступала необходимость использовать эту вундервафлю. Эта штука была не газовая плита, повернул себе вентиль и электроподжиг сам всё зажжёт, и через пару минут чайник уже кипит. Тут вам не там. Керагаз был сложнее в «управлении». В разы сложнее, в десяток раз сложнее, и в десяток раз грязнее. Для разжигания керагаза надо было наполовину разобрать его. То есть, снять конфорку и газосмеситель, затем зажечь аккуратно фитиль по всей окружности, ибо сам он не так-то легко вспыхивал, не газ это, и после этого вновь водрузить газосмеситель и конфорку на место. И ставь чайник?! Хрен, даже не начало, так мелочь по сравнению с мировой революцией. Пойдём дальше. Подождав около 5-10 минут, (ерунда какая), пока газосмеситель разогреется, надо было вручную, поворотом фитиля, отрегулировать пламя, и только после этого можно было поставить на керагаз то, что надо было готовить: варить, кипятить или жарить. И будет вам счастье? Ну, уж хрен.

Поспешись... Ну, да вы знаете. Ведь возня с запачканными керосином и копотью частями дивайсами керагаза, их съём и установка на место, требовали после всех этих операций обязательно крайне тщательно вымыть руки, прежде чем приступать к «варить, кипятить или жарить». И об этом не забудешь, запах напечет, ну и вишенка на торте, производить операцию мытья рук кое-как при пользовании керагазом было нельзя. Требовалось мыть эти руки по-хирур-

гически, то есть тёплой водичкой с мылом (желательно земляничным), тщательно, и притом каждый пальчик отдельно. Только в таком случае придание керосинового «аромата» кушаньям исключалось. Ну, и руки при смаковании чашечки кофею не будут вонять керосином, и отбивать запах кофе по-турецки.

Да, тут ещё ключевое слово «тёплой водой» Холодной керосин не отмыть. Вопрос? Знатокам. Где взять тёплую воду, пока не согрел её на керогазе? Да, есть плюсы в будущем.

Примус? Есть примусы, но это, мать его, настолько капризный прибор, что капризнее только часы наручные фирмы «Заря» – они всё время ломались. Только когда Фёдор Челенков оказался в теле Вовки Фомина, он понял, почему в фильмах про это время ходили по дворам всякие умельцы и кричали: «Точу ножи, примусы починяю».

Примус по существу, это та же самая паяльная лампа, там нет фитиля и пламя нужно отрегулировать. Женщины их боялись, мужей вызывали разжечь.

Словом, в квартире генерала с примусами и керогазами – «побежали».

Нужно разжигать плиту, чтобы вскипятить воду для чая. Что с электричеством? То же самое, что и с электричеством в их общаге милицейской. Проводку в доме «провели» при Александре, каком-то по счёту. Тусклую лампочку она переносила стоически, а вот от киловаттной самодельной плитки горела, потому уезжая, генерал-лейтенант Пономарёв Иван

Михайлович строго настрого предупредил, чтобы электроплиткой в его квартире и не пахло.

Девки принялись хозяйничать, склонившись над дверкой печи. Домовитые. При этом на одну из них было вполне себе в такой позе приятно посмотреть. Округлая такая попка через гороховое платье проступает. Так почему бы ей не проступать, если обладательнице горохового платья восемнадцать лет. И стоит хозяйка горохового платья в низком поклоне, стоит и вертит задом. Не специально, дым в глаза лезет. Ну, в общем, зрелище. Как там по-сербски – «позорище». На вторую дивчину смотреть не стоило, тоща, мала и она, нахрен, экстрасенс. Попробуй на неё посмотреть, она почувствует взгляд спиной и скажет:

– Наташ, а Вовка на нас пялится.

– Не выдумывайте, Елена Аркадьевна. Не на что у вас пока пялиться. Вот у Натальи Аркадьевны совсем другое дело.

– Вова, ты что при ней, она же маме всё расскажет. – Наташа вскочила, бросив раздувать бумажку, не желавшую гореть.

– Нет, она будет молчать как рыба об лёд, а то я ей песню детскую не напишу к первому сентября.

– Я язык проглотила. Помогите, люди добрые. Есть язык? Нет? – и сует свою, перепачканную сажей рожицу всем под нос. Нос точно есть – полосато-черно-розовый.

Эх, загубила «позорище». Пришлось самому огонь в печи разводить.

Событие второе

Музыка ужасна, когда ни такта в ней, ни меры нет.

В. Шекспир

Вовка девок позвал не на кровати попрыгать. С одной хотелось. Нет, не так, хотелось бы... Помнил, «кто у нас папа». И помнил, сколько лет Фомину. Да вымахал метр девяносто, взрослее не стал, по крайней мере, по паспорту. Это быют по роже, а смотрят всегда в паспорт. До восемнадцатилетия ещё больше года. Позвал Фомин одну Наташу и не для прыжков, позвал песню отрепетировать. Была отдушина в сплошной череде матчей и тренировок. Устроил под брюзжание Михея себе перерыв однодневный, тренировку с молодёжкой Михаил Иосифович согласился на Чернышёва переложить. Даже не сильно ворчал, не насупливал кустистые брови. Так под нос сказал что-то про Шаляпиных – Шляпиных. Все знали (ну, кому положено), что через три дня Вовка будет петь песни Василию Иосифовичу Сталину и Лаврентию Палычу Берии. Ну, мало ли кто «Ваське» песни поёт, частенько в ресторанах бывает, там, в ресторанах всегда песни поют. Тут место имеет значение. Аркадия Николаевича Аполлонова, Владимира Павловича Фомина и Наташу пригласили спеть

песен парочку на «Ближнюю дачу».

Фёдор Челенков всю жизнь прожил в Москве и отлично знал, в отличие от большинства населения страны, что эта «Ближняя дача», что расположена в «Матвеевском лесу» на самом деле чуть ли не в центре Москвы расположена. От Кремля чуть больше восьми километров. Напрямик по Кутузовскому проспекту. В кино же всегда машина долго едет по заснеженным просторам. По лесам дремучим. По горным кручам (Ну, там ведь Воробьёвы горы недалеко, можно и через них ехать. Тем более что перестраховщик Властик раньше регулярно маршрут правительственных кортежей менял.). Даже был там Фёдор на этой «даче» после Перестройки на экскурсии. Длинное двухэтажное зелёное здание. Прямо морщишься, когда подъезжаешь. Архитектор недоучился. Или учился не там и не тому. Хотя, может это команда такая была – барак построить. На Сталинградский тракторный деньги нужнее.

Позвал порепетировать Наташу и заодно квартиру новую показать. Домохозяин теперь. Урчум-бурчум! Племяш. Была и «тёмная» мысль. Хоть поцеловаться, пообжиматься, за коленку начинающую актрису потрогать. Но его хитрющие планы мама Тоня разгадала и отвесила «наш ответ Чемберлену».

– Здорово как, я как раз уборкой займусь. Вы с собой Леночку возьмите, ей тоже интересно будет посмотреть, как ты Володенька устроился. Правда, доча?

– Само собой!! – с мефистофельской улыбкой.

Послышалось.

– Возьмите меня с собой! – улыбка та же.

Потому, девки две. Песня одна. Понятно, что все четыре песни Берия их петь заставит, но...

Как-то давным-давно Челенков смотрел фильм про Сталина, теперь уже и не вспомнить, как называется. Там прямо красной нитью шло, что Сталин любил полублатные песни, которые пел Утёсов. «Лимончики» Иосифу Виссарионовичу особенно нравились и «Гоп со смыком»¹. Даже пластинка у Вождя была с этими песнями, и он её регулярно слушал на граммофоне, сам ручку накручивая.

Фильмам верить, как и Википедии, нельзя. Не, верить можно, доверять нельзя. Только есть такое выражение в русском языке: «А вдруг». Челенков взрослый человек и решил соломки подстелить, тем более что была одна песенка именно такого содержания, которую он любил исполнить в кругу друзей. Настроение поднимала и настраивала дальнейшую беседу на шуточный лад. По стихам же она была на порядок лучше «Лимончиков».

Её и хотел отрепетировать с Наташей. Петть там женским голосом не надо. А вот поддержать гитару в паре мест саксофоном прямо напрашивалось. Не стоит и тем пренебрегать, что Сталину нравились блатные песни именно в исполнении

---

¹ «Гоп» – это вор, «смык» – обыск. «Гоп со смыком» – процесс отнимания денег с последующей проверкой карманов жертв.

оркестра Утёсова, может не только в словах дело, но и в музыкальных инструментах, там, в оркестре, точно есть саксофон и мэтр частенько использует этот инструмент для сольных партий.

Фёдор услышал эту песню в Одессе. Год стёрся в памяти, но до перестройки, или в самом начале. После игры с «Черноморцем» их повели в ресторан, и там он, отправив команду после ужина в гостиницу, с местными товарищами задержался, нет, не водку с коньяком дегустировать. Почти ведь не пил. Остался послушать Евгения Чумаченко, что по заверениям местных, поёт просто замечательные песни.

Ну, не Лев Лещенко. И песни слабые. Коробили некоторые. Какой-то блатной жаргон. Ну, да тогда в моду входило, но не цепляло Челенкова. А вот первая песня была другая. Прямо вещь. Даже подошёл после концерта Челенков к артисту и попросил слова переписать. И вместо этого, тот продал ему кассету со своими песнями. По кассете и выучил песню. Исполнял множество раз под улыбки слушателей. Не сфальшивит и на этот раз. Осталось подключить к действию Наташу.

С чаем провозились бы до утра, но на запах дыма вылезла из своего гардероба Степанида Гавриловна, зыркнула на Наташу и хотела ей нравоучение нравоучить, но тут из-за печки вылезла мелкая и необожжённая часть лица «Стеши» расцвело материнской улыбкой.

– Идите девочки в комнату, я вам через полчаса чая с бли-

нами сделаю. Мёд ещё генеральский, ему знакомые с Алтая бидон привезли.

И, правда, в углу кухни стоял засахаренный мёд. Пятилитровый бидон и почти полный. «Стеша», когда Вовку с порядками знакомила, сообщила со вздохом, что вот добро пропадает. Никто не ест. А он засахарился и теперь и неудобно доставать.

– Так надо на водяной бане. – Поделился жизненным опытом Фёдор Челенков.

– Не, испортится, – махнула рукой домохозяйка.

Не стал Фёдор умничать. Взял большую кастрюлю, налил в неё воды. Потом поставил в неё кастрюлю поменьше, туда только на доньшке воды плеснул. И поставил на плиту. Стеша побухтела, но разожгла печь и, отойдя в угол, скрестила руки на груди, осуждающе глядя на «новатора». Новатор, взяв полулитровую банку стеклянную, наскрёб из бидона с помощью ножа и ложки серебряной толстенной почти полную белого твёрдого мёда и поставил банку в маленькую кастрюльку. После того как вода закипела в первой кастрюльке прошло пятнадцать минут и в стеклянной баке выше половины образовалось ароматной янтарной густой жидкости. Настоящий свежий мёд. Но, самое главное запах. Прямо как попал на завод по вытапливанию мёда из сот. Вся кухня благоухает. Лепота.

Стеша понюхала, залезла в банку пальцем, палец понюхала, попробовала и показала другой палец. Гут. Вот, теперь

чуть не каждый день блины с мёдом трескают.

Событие третье

Как говорят французы «Ля кукиш».
Борис Сичкин

Порепетировали. Поели. Попили, поцеловались, испачкавшись в мёде, пока мелкая ходила в туалет. Попрощались. Повздохал. Пошёл, бухнулся на кровать. Поволноваться.

И чуть не уснул, на сытый-то желудок, блинами с мёдом забитый.

Позвонили и, не дождавшись ответа и привета, постучали. Да, настойчиво так. Сразу прямо по стуку слышалось, что право имеют так стучать.

Фомин вынырнул из дремоты и в трусах сатиновых, брюки снял, мёдом перемазанные, когда девки ушли, и застирал штанину, пошёл открывать дверь. Пока шёл, снова затарабанили. Вот же приспичило кому, словно в телефонной будке двушкой по стеклу.

Вовка открыл дверь. При метре девяносто, ни разу ещё в этом времени, ну, за редким редким исключением, не разговаривал с людьми глядя в глаза. Вот двое всего на ум и приходят, Яшин и Третьяков. Два супервратаря динамовских. И тут столкнулся с человеком, который смотрел ему прямо в глаза. Так это ещё не всё, что Яшин, что Третьяков это сухостоины. В них веса по семьдесят кило. Этот был толстый.

Толстый почти двухметровый капитан.

Капитан, видимо, тоже не привык разговаривать с равными, смотрел на трусы Фомина. Хотя кто их знает этих непрошенных гостей, может и умышленно туда смотрел. Глаза потом сразу поднял и чуть ощутимым перегаромдохнул, запах «Шипра» перебивал, но чуть сивушными масламипопахивало, и глаза слегка мутные. Да и не глаза. Глазки. Они потонули в приличной ряхе и были закрыты брежневскими бровями.

– Слушаю вас, – Вовка не отступил в квартиру, приглашая капитана. Не звал гостей. Если это к генералу, то он уже давненько уехал, в общем, товарищ не сильно понятный и пускать его в квартиру, прямо нутром Вовка чувствовал, не стоило.

– Владимир Фомин? – попытался напереть пузом капитан.

– Владимир Фомин, – отзеркалил Челенков.

– У меня ордер на подселение к вам семьи Игнатовых. В качестве уплотнения, пропустите, мне нужно осмотреть квартиру.

Вовка бы так и сделал. Пропустил, дал осмотреть, да и подселить к себе непонятных Игнатовых бы позволил. Времена такие, ко всем подселяют и уплотняют. А тут вдвоём в огромной квартире живут. Если семья, то большую комнату, то бишь зал и генеральский кабинет в придачу отберут, и он останется в небольшой спальне. Но это не главное. Жить вместе с чужими людьми. Семья, значит, дети. Жить с ма-

ленькими детьми. Да уж лучше в общаге.

Вовка бы запустил. Челенков решил встать на пути счастья семьи Игнатовых. Побороться и за свое счастье, и за будущее счастье генерала Пономарёва Ивана Михайловича. Вернётся он из Германии, а тут целое семейство проживает, и разгромило его мебели резные. Дети цветы жизни, вот весь паркет ещё будет вспучен. Дети поливали.

– Ошибочка у вас, капитан, вышла.

– Пропусти. – Опять пузом напирать стал, подселенщик.

– Стоять. Сначала спич.

– Что? – но отступил. На полшажка.

– Вы, гражданин, удостоверение не показали. Это два. Но есть ещё и раз. Эта квартира генерал-лейтенанта Пономарёва начальника Политуправления Группы Советских Оккупационных войск в Германии, но это ладно. Он ещё ко всему и лучший друг маршала Жукова, который его туда и отправил. Уезжая дядя, ну Иван Михайлович Пономарёв чётко мне дал указание и телефон личный Жукова Георгия Константиновича на такой вот случай. Я сперва маршалу позвоню и спрошу его пускать ли вас. – Капитан отступил, но Вовка его за пуговицу кителя поймал и назад притянул.

– Я...

– Я ещё к тому же женюсь скоро на дочери генерал-полковника Аполлонова ему я сейчас тоже звякну. Стой, стой. Пуговицу оборвёшь. Четвёртое – меня тут Василий Иосифович Сталин пригласил на «Ближнюю дачу» его отцу песни

спеть, которые я пел маршалу Иосипу Броз Тито. Ну и Василий Сталин очень хочет меня в свой ВВС переманить в футбол и хоккей играть, и если у меня будут проблемы, прямо требовал, лично ему звонить и не стесняться. Не помогут двое первых, позвоню Василию Иосифовичу. Ах да есть ещё и в пятых. Когда Лаврентий Павлович встречал нас после турне по Югославии, то лично мне сказал, что я молодец и если есть просьбы или проблемы, то смело прямо к нему обращался. Что это с вами?

– Воды. Воды можно. Что-то с сердцем. – Отступил всё же капитан.

Вовка вышел в кухню набрал стакан воды из-под крана и вернулся в коридор. Там никого не было. На полу в подъезде пуговица только лежала блестящая. Когда успел оборвать?

А вообще, кто это был? Фёдор Челенков не сильно в форме современной разобрался: однобортный мундир с малиновым галуном – окантовкой, шестиугольные погоны серебристого цвета, просвет бордовый, звёздочки золотистые, выпушка по краям малиновая, эмблемы войск, вообще, странные – золотые серп и молот, а на них сверху красная звезда, фуражка – околыш малиновый, тулья цвета хаки. Или околыш не малиновый, а краповый. Чем эти цвета отличаются? А краповый – вроде ГБ цвета. Надо как-нибудь попросить Аполлонова плакат с этими самыми формами и эмблемами, есть же наглядные пособия для училищ или школ. Хоть выучить, а то так можно и вляпаться в неприятность. Ну, как на

«контору глубокого бурения» наехал. Ну, хотя и у них кишка тонка против Берии идти. Или нет? Что-то же читал про борьбу с Берией именно в это время. С Абакумовым?

Теперь уж чего. Раз капитан сбежал и пуговицу даже оставил, то выходит, напугался. Может, проще всё. Решил под шумок друга подселить или родственника, а может и за деньги эту операции решил провернуть. Чтобы в этом времени такие тела отъесть, нужно ну, очень хорошо питаться. И это на зарплату капитана? Что-то Хитрый Михей с майорскими погонами и то не больно шикает. Всё забыли. Нужно подумать о другом. А ну как Сам скажет: «Ты, Вовка-Фёдор, молодец, такую душевную и смешную песню спел. Понравилось нам. Есть такое мнение, что тебе нужно ещё одну сейчас такую же спеть».

Глава 2

Событие четвёртое

*Запах кофе – это аромат рая.
Габриэль Гарсиа Маркес*

Утром нужно выпить чашечку кофе. Да, чёрт с ней с чашечкой, пусть будет стакан. Хотя... Пить кофе из стакана в мельхиоровом подстаканнике это всё равно, что лилии нюхать в противогазе. Нужна фарфоровая кружка. С поселением в квартиру генерала у Фомина такая возможность, как пить кофе из специальной фарфоровой чашки появилась, в буфете стоял чуть разукомплектованный чайный сервиз, явно из Фатерлянда, в плен захваченный. Был молочник, был чайник заварочный, но где-то в процессе взятия в плен пристрелили сахарницу, одну чашку и пяток разных блюдец. Их по два к каждой чашке. Было. Если перед гостями баварским фарфором хвастаться, то вопросы гости начнут задавать, где остальные девайсы, а вот пить кофе из приличного размера чайных ёмкостей эта разукомплектованность не мешала, от слова, ну, да вы знаете.

Мешало другое. Мешало третье, а особенно мешало четвёртое. Четвёртым была турка. Про кофемашины даже и ду-

мать не стоит. Больше их Челенкову не видать. Когда они появятся, ему не до кофе будет. Давления всякие и прочие подагры с простатитами, будет пилюли пить, а не кофе. Турки в квартире «дядюшки» любимого (самых честных правил) не было. Ещё не было газа и электричества... Настоящего. Радио играет и пару лампочек горит, вот и всё, на что проводки древней хватает. Хоть договаривайся с электриком стадиона «Динамо» и проводи себе, как там это в будущем будет называться – «выделенная линия».

Ещё кофе самого не было. Вовка шмон на кухне произвёл. Горох был, нелущённый. Манка была. Даже рис в стеклянной баночке. Бурий, наверное. За таким в будущем гоняться будут, тут, должно быть, гоняться не надо, другого не бывает. Были цветы ромашки и ещё какая-то сушёная до чрезвычайной ломкости трава горько пахнувшая. С кофе побежали. Спасла Фомина Стеша. Он при ней посетовал, что кофе хочется, и она, сверху вниз посмотрев на гиганта безусого, он как раз, стоя на коленях, печку разжигал, молвила:

– За углом есть кондитерская коммерческая. Дорого там.

Вовка по дороге с тренировки в кондитерскую зашёл. Запах. Прямо с ног валил. Лохматый мужичок с большущим носом и чёрными, как смоль усами и бровями, священнодействовал. Он брал совком специально обученным, небольшим таким – деревянным, из мешка джутового зёрна зелёного кофе и высыпал их на сковороду, которая раскалялась на электроплитке. Вот, в соседнем доме можно же было элек-

тричество наладить! Сковорода была с высокими стенками. Большая такая, чуть почерневшая снаружи, прямо чувствовалась массивность чугуна. Высыпал южный носатый мужичок зёрна на сковороду и деревянной лопаточкой помешивал их. При этом всякие эфирные масла и прочие фитонциды от жара сковороды покидали трупки кофейных зёрен и, воспаряя, окутывали большеногого. Покрутившись вокруг освободителя, души кофейные пускались в путешествие. Они хороводом, даже невооружённым экстрасенсорными способностями глазу видимым, кружились вокруг грека, грузина или армянина и потихоньку всё расширяли этот свой танец освобождения. Хоровод захватывал людей зашедших в кондитерскую, проникал им в ноздри, и душа угрюмых москвичей тоже воспаряла и уносилась в тропические леса Бразилии или оазисы Марокко. Прямо слышался щебет попугайчиков, хрустели костями белых путешественников – первопроходцев пираньи в Амазонке, свистели стрелы бедуинов. Стоило только глаза закрыть, и души кофейных зёрен подхватывали твою серую душонку и увлекали за собой на недостижимую высоту. Человек, вовлечённый в этот хоровод смерти и жизни, останавливался, его ноздри расширялись, и он, сделав глубочайший в своей жизни вздох, замирал в блаженстве.

Соврал Иван Васильевич, с балкона любуясь на серые панельные многоэтажки. Не там лепота. Здесь.

– Лепота! – Вовка даже пошатнулся от удара обонятель-

ного.

– Чёго извольт молодой человек? – сделал тайный знак иллюминатов, покрутив перед носом Вовки специально обученным совочком для трупиков кофейных зёрен, греко-грузинский армянин.

– Этот человек изволит кофе приобрести, – зачем-то спародировал греко-грузина Вовка.

– Йасас! Сколько вам, юноша? – точно грек. Их приветствие. Бывал Челенков в Греции со «Спартакoм» и сборной. О, сейчас удивит товарища. Одну фразу заучил. Посланный с ними в одной из игр переводчик научил. Когда они по магазинам решили прошвырнуться.

– Посо костизи? (Сколько это стоит?) – нет, не округлились глаза, зато улыбнулся товарищ грек. Акцент, наверное, чудовищный или как-то исковеркал фразу. Давно ведь было. Лет... Да, хрен сосчитаешь с этой двойной бухгалтерией.

– Шэсдэсят рублэй за банку и шэсдэсят рублэй за кофе. – Вовка посмотрел за спину грека. Точно, там стояли банки. Из жести, закрывающиеся крышками. Явно ручная работа. С чеканкой каких-то гор. Чего там, в Греции, не Арарат же? Олимп! Где-то жестянщик не покладая рук трудится. А чего, ненавязчивый сервис. Хочешь кофе – покупай банку. Жестянщик, точно родственник. И всего сто двадцать рублей за... Ну, граммов двести – триста влезет в такую банку. Правду, сказала Степанида Гавриловна – дорого здесь. Ну, хотя одна-то банка нужна. Кофе же хранить в чём-то надо.

Не в кульке же бумажном. Он выдохнется. Ни вкуса не останется, ни аромата.

– А турка есть? – ну, не в кастрюльке же варить.

– Джем. Медовая. Кованная. Сто восемьдесят. Всего триста.

Ну, ни хрена себя, зашёл за кофе. Триста рублей!!! Это у него год назад, когда он кладовщиком работал в Куйбышеве, зарплата месячная меньше была. Обманула Стеша. Дорого, это другое понятие. Это называется – писец.

И чего? Как там, у Высоцкого: «И что ж, мне пустым возвращаться назад!» «Зачем мне рубли за подкладкой?».

Рубли были, вчера выдали три зарплаты. Они-то в путешествиях по Европам отлучались, а календарю, фиолетово. Положено семнадцатого зарплату получать, получите и распишитесь. Одну зарплату Чернышёв из кармана вынул.

– Пересчитай.

– Вы, серьёзно Аркадий Иванович?

– Не хочешь, не считай. Магарыч с тебя. Две недели почти за тебя работал.

– Я вам вина хорватского домашнего привёз. Хвалили на рынке в Загребе.

– Так бы и сказал сразу! – взрослый серьёзный мужик, а улыбка такая детская, доверчивая, что ли.

Потом принесла деньги Марина Первых – конструктор артели «Домашний уют». Двести рублей, хотя в этом месяце Вовка там не сделал ничего. Девушка как-то мельком поин-

тересовалась, нет ли новых идей, вогнав Фомина в краску. За что деньги-то получает? Клятвенно пообещал, что будут. Вспомнил кресло-кровать. Надо только напрячься и нарисовать механизм шарнирный.

В «Робутсу» за деньгами пришлось ехать. Тем более что за турне по Югославии почти убил бутсы. Прямоугольные длинные шипы повредили подошву серьёзно. Не те ещё материалы. Главный артельщик «Робутсы» Иван Иванович Иванов двести семьдесят рублей считал десять минут. Может надеялся, что Вовка откажется. На его удивление Фомин деньги взял. Теперь при этих самых деньгах.

Фомин достал триста рублей из кармана и передал греку. А дальше опять действие началось. Лохматый чернявый товарищ взял свой деревянный волшебный совочек и горячие ещё зёрна кофе со сковородки стал в банку жестяную засыпать. Вовка не успел испугаться, что кофемолки у него тоже нет, но не так прост грек оказался. Он открыл какую-то крышку на непонятной конструкции и высыпал туда коричневые источающие волны аромата зёрна. Потом закрыл назад крышку и щёлкнул обычным чёрным эбонитовым выключателем. Раздался грохот и треск. Да, это мельница такая. Кибернетика. Полуавтоматика.

Агрегат порычал, потрещал пару минут. Потом волшебник с подножий Олимпа щёлкнул выключателем назад и открыл крышку. Запах! Вот теперь ЗАПАХ, до этого слабенький аромат был. Все посетители кондитерской опять замер-

ли и стали дышать полной грудью, даже дамочка у которой грудь и так была полной. Фито, мать её, терапия. Грек вынул часть мельницы и ссыпал молотый кофе на лист бумаги. А чего, приличная такая горка получилась. Потом он взял листок за края и ссыпал порошок в банку. Написал на ней химическим карандашом сегодняшнее число, закрыл плотно крышкой и передал торжественно, как кубок Дэвиса, Вовке.

– Владэй. Кончится адрэс знаэш.

– Спасибо. – А, да, как там, помнил же? – Эфхаристó.

– Паракалó. – Ага, «Пожалуйста», должно быть.

Вовка открыл крышку и сунул туда нос. Лепота! Лепота-то какая.

Событие пятое

*Будь поучтивее с людьми, которых встречаешь,
взбираясь наверх, – ты ещё встретишься с ними,
когда будешь спускаться.*

Уилсон Мизнер

Удача она ведь женского рода. А женщины всегда предпочитают компанию. Так и в этот раз получилось. Улыбнулась удача, добыл сразу и кофе и турку – джезву, красивую, мэддную и позвала она, не турка – удача подружку. А чтобы Вовка не догадался, что так задумано изначально было, обставила она это знакомство необычно. Вовка всё же догадался, но значительно позже. Сначала не до того было.

На следующий день ехал он с игры. «Динамо» выиграло, Фомина, как и обещал, Якушин выпустил на семидесятой минуте. Играли с «Крылья Советов» (Москва). Далеко не самый сильный клуб. Шли они по потерянным очкам на одиннадцатом месте из четырнадцати возможных. «Динамо» вернулось из Сталинграда, где разгромило местное «Торпедо» (Сталинград) со счётом 5:1. А «Крылышки» рубились с одним из лидеров тоже «Торпедо», но московским и добились боевой ничьей 3:3. Вышли «Крылья» на матч уставшие и без огонька, пытались построить игру с лидером от обороны, но получалось у них слабо. К перерыву счёт был уже 3:1 и двумя голами отметился лидер гонки бомбарди-

ров – Соловьёв. Вовку выпустили, правда, когда неожиданно воспрявшие соперники сократили отставание до минимума. 3:2. Бесков подустал и Вовка, понадеявшийся на связку с ним, понял, что слева ему помощи не будет, а если и отдаст хороший пас будущий его тренер Константин Иванович, то пользы это принесёт мало, впереди всё одно автобус. Оставалось идти напролом. Что он несколько раз и попытался сделать. Нет, автобус не пройти. Надо хоть немного эти сложенные «Крылья» расправить. Фомин попытался передачами поперёк поля запутать соперника, и почти ведь получилось, но Бесков всё испортил, ринулся в атаку, и опять организовал автобус.

Тогда Челенков, вспомнив похожий матч с датчанами, стал пытаться дальними высокими ударами перебросить мяч через столпившихся в штрафной футболистов «Крыльев». На четвёртом или пятом ударе, наконец, получилось, и вратарю пришлось выбивать мяч кулаком, и попал он в своего же защитника. Круглый бросился назад к воротам, и тогда другому защитнику ничего не оставалось, как отправлять его за линию ворот. Бить пошёл Костя Бесков, а Фомин занял место у дальней стойки, его пытались толкать защитники, чтобы сбить прицел, но самый высокий из них был на голову ниже и на двадцать кило легче. Бесков молодец, увидел голову, заштопанную в нескольких местах, с ермолкой на макушке и отправил прямо на дальнюю штангу, тяжёлый и сырой мяч. Чуть низковато и далековато. Но чуть не счи-

тается, Вовка даже выпрыгивать не стал, развернуться тоже не получалось, зажали, потому боднул пролетающее чугуно-коричневое ядро ухом. Мяч послушно запрыгнул в ворота. А вот уху хана. Не сломал, и даже не оторвало мячом, но шоркнуло прилично. Больно, слёзы прямо ручьями, как в сказках Птушко, хлынули. Больше ничего сделать не удалось. «Крылья» спрессовались ещё плотней. С точки зрения нормального человека, ну очень странная тактика. Какова цель? Ну, проигрываешь, расслабься и попытайся наладить игру в атаке, ну или хоть на контратаках. Нет, ушли в глухую оборону. Зачем? Чтобы счёт не стал 6:2? А какая разница, пять или шесть. Устал Вовка за эти двадцать минут, пытаюсь сквозь частокол пробиться, страшно. Еле до душа дошёл. А он, ёкарный бабай, холодный. Ну, не четыре градуса, но пятнадцать. День пасмурный, утром дождик был, Хотелось постоять под тёплыми упругими струями, а тут бодрящий дождик. Ополоснулся, как мог, и вылез растираться полотенцем, пока не простыл.

От стадиона «Динамо» до квартиры теперь с двумя пересадками нужно добираться. Но сначала метро. Дело уже к позднему вечеру, и не так много людей в вагоне, не давка, но и не пустыня Калахари. Все сидячие места заняты и петли ремённые, что для придания устойчивости пассажиров с потолка свисают, тоже. Вовке одна досталась и он, ухватившись за петлю, приготовился к дёрганию в момент начала движения. Рядом пристроилась девица. Сверху лицо было не

рассмотреть, но брюнетка с густыми чуть кудрявыми волосами, поверх этих волос шляпка прикольная. Вовка прослушал предупреждение и напряг ногу, чтобы спружинить, и тут поезд тронулся, а девица кудряво-шляпная сунулась именно в это время хвататься за воздух. Ну, а за что ещё, если все петли заняты.

Хрясь, это она с размаху Вовке по наджабленному уху заехала, хорошо хоть не кулаком, пальцами растопыренными. Хотя, чего уж тут хорошего, больно. Опять слёзы брызнули.

– А-а! – не, не Вовка. Это девицу, которая так ни за что и не ухватилась, поволокло назад.

Фомин решил прийти ей на помощь и попытался ухватить её за локоть, но кучерявую уже прилично уволокло по проходу, пришлось ему сильно наклоняться. Машинист чуть снизил ускорение и девушка оттолкнувшись от Вовкиного соседа, пошла совершать обратно-поступательное движение. При этом опять предприняла попытку за что-нибудь вверху зацепиться. Этим «что-нибудь» оказалось ухо Фомина.

– А-а! – теперь это уже Вовка заорал.

Поезд выровнялся и они с обладательницей шляпки заняли, наконец, вертикальное положение.

– Прости, я не специально, – пискнула девица.

– Бывает. Держитесь за меня, – изобразил из себя жень-тельмена Вовка.

– Спасибо, – бамс и носительница шляпного искусства схватилась за ремень Вовкиных штанов бостоновых. Тот

опешил. Думал, возьмётся за локоть, а тут такой радикальный метод. И в это время, по мановению волшебной палочки, ну или расписания, машинист начал тормозить. Девушка была довольно высокой, Вовке выше плеча даже, и когда вагон стал тормозить, её бросило на Фомина. И рука кучерявой соскользнув с ремня, провалилась гораздо глубже. Ну, в общем, вам по пояс будет.

– А-а!! – это оба два закричали. Девушка от ужаса, нащупав чего-то, за что можно схватиться, а Вовка от неожиданности.

– Твою же налево!

– Ой, простите. – И вся пунцово-красная. Только волосы чёрные и глаза. Глаза с таким чуть неправильным разрезом. Еврейка?

– Ну, теперь как порядочный человек я обязан на вас жениться, – попытался рассмешить и успокоить девушку Челенков, прямо покатываясь, правда, про себя от хохота, такого с ним за две жизни ещё не было.

– Ирина.

– В смысле?

– Меня зовут Ирина. Прежде чем идти в загс нужно познакомиться.

– Фомин, а ну да, Владимир.

– Отпустите меня Владимир Фомин, я выхожу, – точно и не заметил Вовка, как поезд остановился.

– Я тоже.

Вышли на улицу, тихую и пустынную после грохота мет-

ро. Там всё кричать приходилось.

– Я вот тут живу. С родителями, когда будете знакомиться? – чёрные глаза смеялись.

– Понятно, что сейчас. График у меня напряжённый, следующий раз не знаю, когда свободный вечер выпадет.

– Пошли.

– Пошли.

Подъезд пах мочой. Кошачьей, мышачьей и человеческой. Ну, не специалист Челенков, но воняло противно.

Папа точно был еврей, да и мама. Папа был похож на Макаревича в поздние годы или на Эйнштейна. Густая такая копна мелких седых кучеряшек.

– Папа, мама, Володя сделал мне предложение! – и почти ведь не смеётся.

– Ой, молодой человек, а что вы весь в крови. Это вас Ирина била и заставляла делать предложение. Не смогли отбиться. Не та пошла молодёжь!

– Руки были заняты.

– Ой, вей. И чем настолько важным были заняты ваши руки, что вы разрешили избить себя до крови.

– Да, нет, это Бесков, пнул коряво.

– Ой, вей. Вам какой-то бес пнул в ухо. Вы бесоборец?

– Я футболист, Бесков – это наш динамовский нападающий. Он низко мяч послал, и мне пришлось гол ухом забивать. Разодрал, – Вовка заглянул в зеркало, что висело в прихожей. Да, тот ещё видок, видимо Ирина скovyрнула запёк-

шуюся кровь и та накапала на шею и рубашку.

– Исаак, отпусти мальчика, Володя проходит на кухню, я медсестра, обработаю вам рану. А то ещё нагноится. – Мама решительно взяла его за руку, а дело в свои руки.

– Конечно, Розочка, вылечи мальчика, зачем нам нагноившийся зять.

– Какая у вас интересная рубашка, Володенька. Кто это шил? Я не встречал ничего подобного. Это из-за оттуда? – Папа отвернул воротник, осмотрел, как сделаны погончики и кармашки, расправил на животе и посмотрел на пуговицы в три ряда. – Нет, материал наш, и оверлок совсем плохой. Так кто вам шил эту замечательную рубашку?

– Папа закройщик в ателье «Радуга», – поспешила оправдать ощупывание будущего зятя отцом Ирина.

– Понятно. Ой!

– Потерпите, Володенька, сейчас станет ещё больней. Нужно смыть запёкшуюся кровь. Там может быть грязь. Зачем вам грязь в ухе? – Прижала его к стулу «будущая тёща».

Портной. Вовремя-то как, а то Вовка уже из всей своей одежды вырос, особенно из пальто модного порезанного. А «Зима близко». Портной – это хорошо.

– Исаак...

– Для вас просто – папа. Шучу, вы так мило краснеете, Володенька. Исаак Яковлевич Розенфельд – старший закройщик ателье «Радуга» к вашим услугам. Так кто вам шил эту рубаху великолепную?

Глава 3

Событие шестое

*Вытирать руки о штаны некультурно! Это вам
объяснит любой, чьи штаны вы выбрали.
Стас Янковский*

В дверь опять тарабанили. И звонили одновременно. То есть, капитан не унялся и милиционера с собой прихватил. Вовка потянулся на кровати генеральской семейной. Коротковата будет. Длинной панцирно-скрипучее чудо передовой буржуазной мысли была метр восемьдесят. Благо, что прутья в спинке были на существенном расстоянии друг от друга и ноги можно вытащить сквозь них. В первый день, правда, чуть не сломал, то ли ноги, то ли прутья. Забыл об этом просачивание сквозь спинку и решил соскочить, проснувшись, на пол. Соскочил, вдарившись плечом об пол, и чуть не перевернув скрипучее чудо. Еле выпутался.

Потому, сейчас извлёк по очереди все ноги из-за решётки и затопал босыми этими ногами в прихожую. Хорошо «Стеше», она почти глухая. Вовка, однако, одну странность заметил, так-то с ней надо разговаривать, повышая голос, а вот по телефону с какой-то подругой она вполне нормально разго-

варивает. Сейчас Стеша не услышала, и пришлось идти открывать. Взглянул на часы в огромном длиннющем коридоре. Половина седьмого. Оборзел капитан. Точно надо Аполлонову пожаловаться.

Спрашивать «Кто там?», не стал, отдёргнул засов, такой приличный, на который Степанида Гавриловна всегда на ночь дверь закрывает и распахнул створку. Капитана не было. Милиционера не было тоже. Перед дверью стояла в курточке бежевой Наташа Аполлонова. Стояла и смотрела на его сатиновые трусы и майку алкоголичку. А где взять другую?

– Ой. – Отвернулась.

Вовка посмотрел на трусы чёрные. Ну, утро, естественная реакция организма. Поднял глаза на посетительницу. Не одна пришла. Взяла, наняла эскорт. Любой другой девице недёшево бы обошёлся. Позади, стояли в полной парадной форме с кучей орденов и медалей, два генерала. Молодых довольно, без седин и усов будёновских. У того, что поменьше ростом была «Золотая Звезда Героя» на сине-зелёном кителе.

– Ты, Фомин, вообще оборзел? – маленький и сказал. Генерал-лейтенант.

– Да, Володька, ты срам-то прикрой, девушку привели. – Тот, что постарше показал Вовке кулак. Этот вообще – генерал-полковник.

– Заходите, я мигом, – метнулся Вовка прочь.

А чего одеть? Треники с отвислыми коленями? Домашние штаны, которые малы и с заплатами из старых отцовых армейских бриджей выкроенные? Бостоновые постирала вчера Степанида Гавриловна, дождь же был, пока добирался от родичей «невесты» все устряпал-забрызгал. Есть только штаны от костюма бежевого, что сшили по спецзаказу для команды юношей «Динамо» перед их турне в Югославию. Но они висят в шкафу в большой комнате, а туда уже гости набились. Опять в труселях семейных выцветших дефилировать.

Спас положение Василий Сталин, заглянул в спальню и головой мотнул, типа, чего телишься. Пора, труба зовёт.

– Василий Иосифович, у меня в шкафу в той комнате бежевые брюки висят, не принесёте? Пожалуйста. – Сталин хмыкнул, присвистнул и громко специально гад спросил:

– А носки вам, Владимир Палыч, не постирать? – поржал, но брюки через пару минут принёс, – Детям будешь рассказывать, что тебе сам Василий Сталин штаны надевал, и нос вытирал. Платок нужен? Стой, а чего у тебя ухо в крови и зелёнке. Платок нужен?

Вовка про ухо почти забыл, ну саднило. Видимо когда на кровати изворачивался, ноги из прутьев вынимая, опять содрал коросту. Блин блинский. Сегодня же ехать на «Ближнюю дачу». Как с таким зелёным кровавым ухом?

– Мяч вчера головой забил. Ухом. Надо прижечь зелёнкой снова. – Вовка в большое с резной рамой зеркало попытался ухо рассмотреть. Да, ещё и опухло. Не вовремя.

– Пойдём. Я на фронте даже раны сам перевязывал ребятам. Справимся с твоим ухом. – Василий Иосифович кинул ему брюки и пошёл в ванную комнату, там Фомин зелёнку видел.

Пришли генералы не просто так. Как уж у музыкантов это действие называется. Финальный прогон? Генеральная репетиция? Контрольный выстрел? Вот, перед поездкой на дачу к Самому и заочковали генералы, а ну как дуэт чего не того споёт, ну, или не так. Не понравится «лучшему другу детей».

Вообще, Вовка и сам зубами стучал. Больше даже за Наташу переживая. Эх, «фанеры» ещё не изобрели, есть ведь уже первые магнитофоны, записал и дрыгай ногами под запись, рот открывая.

Сталин Вовку обработал почти, как мама Розенфельдов. Приговаривая, что не кричи, сейчас ещё большее будет. Теперь ухо и даже часть шеи были зелёного презелёного цвета. Можно «зелёного человечка» без грима играть.

Встреча в верхах назначена на два часа дня, час положили на дорогу и час на завтрак. Всё остальное время с семи утра решили посвятить репетициям.

Вовка на эту провокацию не повёлся, ну сорвёт голос и придет к Сталину старшему охрипшим. Кому станет лучше? А ещё пальцы заболят. Медиатора нет, приходится подушечками пальцев бить по струнам (иногда, правда, – бить), сотрёт и будет больно, начнёт беречь и ошибаться. Вот такую речугу жури ответственному и двинул.

Генерал Аполлонов глянул на Василия Иосифовича, на дочь и махнул рукой.

– Ладно, давайте сначала чай попьем.

– А кофе вам не сварить ваши превосходительства? – Вовка показал приёмной комиссии новую сверкающую красной бронзой турку армянскую.

– А можешь? Хотя о чём это я, ты Володя, вообще, хоть чего-нибудь не можешь? – Аркадий Николаевич отобрал джезву, повертел в руках. – Красивая. Генеральская?

– Купил позавчера. Аркадий Николаевич, а можно вас попросить об одной вещи? – Вовка вспомнил про электричество.

– Ох, плохо начинаешь...

– В квартире проводка слабая, а Степанида Гавриловна после пожара примусы и керогазы не переносит. Хотелось бы купить электроплитку, ну, как у вас. А тут проводка. Может, можно там, где-нибудь, дать указание в квартире заслуженного генерала проводку поменять?

– Жук. Самый настоящий жук и заслуги Пономарёва Ивана Михалыча приплёл.

– Володька, а переходи в ВВС, и я тебе сюда дам команду и проводку протянуть и электроплиту поставить, – Ну, кто о чём, а вшивый о бане.

– Нельзя, Василий Иосифович, получается, я и Аркадия Николаевича и Чернышёва и Хитрого Михея и ребят своих предам. Зачем вам в команде предатели?

– Вот жук. Правильно ты Аркадий Николаевич его обозвал. Теперь себя паршиво чувствуешь. Как будто, виноват перед пацаном. Лады. За твои подвиги в Югославии, и если отцу сегодня твои песни понравятся, то, как и обещал и проводку протянем и плиту поставим. Так, если репетировать не будем, зачем мы сюда припёрлись? – Вскочил лётчик. Заозирался, будто только увидел, что в чужой квартире.

– Сейчас я разбужу Степаниду Гавриловну, она разведёт огонь в печи и поставит чайник, а мы пока пару песен повторим. Потом попьем, кто чай, кто кофе, и ещё пару песен. Потом завтрак. Я гречки купил и две банки тушёнки. Потом я вам одну песню новую спою и поедем.

Событие седьмое

Прежде чем диагностировать у себя депрессию и заниженную самооценку, убедитесь, что вы не окружены идиотами.

Зигмунд Фрейд

Точно, всё как Фёдор Челенков и запомнил на экскурсии в далёком будущем. Длинное зелёное строение и деревья вокруг убраны, голое место, нет, потом-то лес, а вокруг самой дачи приличный кусок простреливаемого пространства. Власик видимо дал команду всё расчистить, чтобы нельзя было незамеченным проникнуть на охраняемую, как ядерный объект, дачу Вождя.

Сам Николай Сидорович в генеральском мундире стоял на крыльце несуразного строения и о чём-то разговаривал с Лаврентием Палычем. Тот в штатском был, если бы не пенсне знаменитое, то и не узнать.

Машины к самой даче подогнать не разрешили, даже Василий поставил свой вишнёвый «Кадиллак» на стоянку в трёх десятках метрах от входа. Рядом припарковал выданный ему недавно ЗИС-110 Аркадий Николаевич. Вовка видел новую машину спортивного начальника впервые. Красавец. По нынешним временам просто высший класс. Умели же делать. Даже указатели поворота уже есть. Ещё бы зеркала заднего вида и можно на выставку в Париж везти. Первое

место обеспечено.

Зрелище со стороны было прикольное, навверное. Идут два генерала в парадной форме при всех орденах, а следом Фомин, возвышаясь на голову, и гитара в руке, чёрным лаком бликует. Он в чёрном бостоновом костюме и орден югославский на груди, а рядом медаль чемпиона СССР по хоккею с шайбой на красной колодке. Замыкает шествие Наташа Аполлонова в белом с черными крупными горохами платье и бежевой курточке вельветовой. В руках сверкает на солнце медью саксофон. Трубадуры понаехали.

Вовка всё ждал, будут его обыскивать или нет, ну и Наташу тоже. Представлял, как чужие руки охлопывают её. Брр.

Остановились генералы на крыльце, а Вовка с Наташей чуть ниже, шагах в двух. У Фомина только вот сейчас поджилки затряслись, не страх, другое чувство, ответственность. Так почти всегда бывает перед важным матчем, особенно, если это финал. Не зря в будущем у каждой нормальной команды есть психолог, любой человек – паникёр. Сказки это всё про бесстрашных «капитанов Америка». И обязательно нужен человек, который, хлопнет по плечу, скажет: «Не робей, Фёдор, прорвёмся, пусть они нас боятся». Сейчас рядом никого, кто поддержал бы, и хлопнул по плечу, не было, даже Аркадий Николаевич от них дистанцировался. Ну, значит, сегодня психолог он.

– Наташ! Наташик! – Глаза стеклянные у начинающей певицы.

– А? – и не повернула головы, в папу, в его спину взгляд нацелен. Родной человек. Защитит. Не защитил, что стоило под руку дочь взять.

– Наташик, как думаешь, нам свадьбу лучше сыграть в Крыму или на Кавказе в Сочи, например, или в Сухуми. Солнце, море тёплое, ветер играет белым платьем. Снимешь туфли после загса и, поддерживая подол платья, пробежишься по песочку, по щиколотку в зелёных волнах.

– Ты, дурак, Фомин!? – но глаза стали вновь зелёные и живые.

– Думаешь, лучше в тундре. Ну, да, согласен. Нанять надо оленю упряжку и погонщика, Наташ, а не знаешь, как называется погонщик оленей?

– Ты, Вова, чокнутой. Какой погонщик сейчас песни петь самому...

– Тихо, тихо, не кричи. Ты же сегодня пела песни уже Сталину, и он хлопал. Значит, и отцу понравится. Яблоня от яблока далеко не убежит...

– Яблоко от яблони. – Глаза злые зелёные искры пускают. Другое дело.

– Наташ, – это отец подозвал, – Володя, идите сюда.

Подошли, поздоровались. Никто руки начинающей певице целовать не стал, Вовке тоже. Но и Власик и Лаврентий Павлович для рукопожатия протянули свои. Первым Берия. Тёплая такая мягкая ладошка, Вовка от волнения чуть не сжал, вовремя опомнился, а вот седой генерал-лейтенант

Власик сжал со всей силы. На что надеялся, что спортсмен, по часу в день занимающийся на турнике, заверещит: «Ой, не надо дяденька». Тоже надавил. Оба-на, и главный телохранитель страны не прост, явно гирями занимается. Нажал. Вовка улыбнулся и ещё давление добавил. Заскрипели зубы у Николая Сидоровича, и он даже чуть присел, чтобы ещё силы в руку добавить. Силен. А ведь человеку за пятьдесят. Поддаться или нет? Вот в чём вопрос?! Поддашься – посчитает слабаком. Победишь – злобу затаит. Возможностей навредить столько, что мама не горюй. Да. Семь бед – один ответ. Фомин тоже всю силу вложил в рукопожатие. На них уже смотрели. Всё же Берия великий психолог, ну до таких высот власти дураки и не добираются. Положил свою ладошку на их покрасневшие.

– Всэ джигыты, побэдила дружба. – Разжали.

– Силен ты, певец, впервые равного нашёл, – с улыбкой хлопнул его по плечу генерал Власик. – Ну, пойдёмте, готова уже, наверное,

Так и хотелось спросить: «Кто готов?». Женщина здесь? Ха. Не надо спрашивать, тут только одна представительница женского пола может быть – Светлана Аллилуева. Прихорашивалась.

Событие восьмое

Только буржуа покупают мебель; настоящие аристократы мебель наследуют.

Кейт Фокс

По длинному коридору прошли в гостиную. Два дивана в чехлах по стенам. Огромный, человек на двадцать, стол в центре комнаты, чуть дальше и ближе к другой стене два кресла низких, тоже в чехлах, и столик небольшой. У стены комод и на нём патефон стоит. Небольшой, без этой смешной огромной трубы, как-то по-другому усиление звука происходит. Он играл. Звучала песня в исполнении Утёсова, про улицы:

*С боем взяли город Люблин, город весь прошли,
И последней улицы название прочли,
А название такое, право слово, боевое:
Варшавская улица по городу идёт —
Значит нам туда дорога, значит нам туда дорога...*

Дослушать не дали про Варшаву. Скромная тихая молодая женщина с очень красивыми темно-рыжими волосами, волнами уложенными, подошла и сняла иголку с пластинки. Потом тихо, как бы, подплыла к Наташе, игнорируя всех прочих, взяла её под локоть и увела к креслу, что-то по до-

роге шепча той на ухо.

Сталина не было. Пожилая женщина расставляла на столе посуду, тарелки большие, явно суповые, рядом обычную ложку укладывала аккуратно, не тот сервиз, что Вовка так в Ленинграде и не удосужился пока из заточения извлечь на свет божий.

Вдруг суета прекратилась, все развернулись ко второму выходу из гостиной. Старческой шаркающей походкой входил Сталин. Голову чуть опустил, ссутулился и смотрел в пол. Седой весь. Белый китель без всяких наград. Сапоги короткие. Только дойдя до угла стола, поднял голову и осмотрел присутствующих. Именно осмотрел, так, переходя взглядом с одного на другого, оценивая и взвешивая. Добрался до Вовки. Фомин, почувствовал, как мурашки бегут по спине, ещё эта дурацкая гитара в руке. На Вовке Вождь задержался, с ног до макушки ощупал взглядом. Хорошо было при общении с царями. Поклонился и стой, согнувшись, голову опустив, рассматривай себе трещинки в половицах. Или вот фашистам тоже не плохо. Выдернул руку вверх и ори себе «Хайль Гитлер». А тут что делать?

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – проблеял, себя-то еле услышал.

Сталин кивнул, ещё раз взвесил взглядом и переключился на дочь с Наташей. К тем даже подошёл, ну, шагнул, вернее, там кресла как раз недалеко от входа-выхода стояли.

– Здравствуйте, товарищ Сталин! – чуть не выкрикнула

Аполлонова. Голос сфальцетил.

Светлана погладила девушку по плечу, успокаивая. Наташа была выше дочери Сталина на голову почти.

– Красивая, настоящая артистка, – голос был тихий, но других звуков в огромной комнате не было, все стояли, замерев, и старались дышать про себя и пореже.

– Папка, чего ты девочку пугаешь?! – встала грудью на защиту Светлана.

– Я что сказал? Правду сказал. Красивая. – Сталин улыбнулся и пошёл назад, сделал пару шагов и сел на отодвинутый Власиком стул в торце стола.

– Лаврентий, ты сказал малчик? Где он? – Иосиф Виссарионович снова повернул голову к Вовке. Даже не голову, как волк, всем телом развернулся.

– Подрос, – усмехнулся Берия.

– Хорошо подрос. Если ещё подрастёт, будет дядей Стёпой. В «Динамо» же. Милиционер?

– Нет, Коба. Малчик. Ещё семнадцати нэт. – Берия подошёл к Вовке и, дурачась, встал рядом и присел чуть. По пояс почти Фомину став, – Високий малчик.

– Ха-ха, – надтреснутый такой смех, как кашель, – Молодец. Расты большой. Володя, да Лаврентий?

– Владимир Фомин, Коба, чемпион страны по хоккею канадскому. Сам нэ поверил, когда услышал, что ему шестнадцать лэт. Лучше Боброва играет.

– Так он в хоккей тут играт будэт! – Сталин снова засме-

ялся. Генералы разные тоже забухали, поддерживая шутку.

– Папка, что ты над ним издеваешься! Я сына бросила! Васька сказал, что лучшие в стране песни будут петь! – Светлана оставила Наташу и подскочила к отцу, почти решительная. Смотрелась такой маленькой и беззащитной.

– Конечно. Володя, раз с гитарой прышёл, спой нам песню. Потом пообедаем вместе, – Сталин чуть откинулся на спинку стулу. Высокий, но спинка почти вертикальная. Сильно и не откинешься. Неудобно должно быть сидеть.

– У нас грустные песни...

– Ты не набивай себе цену, спой про мальчиков, – влез Василий Иосифович.

– Да, Володя, спойте песню, – зыркнула на него сестра.

Фомин оглядел огромную гостиную, ну, наверное, лучшее место и будет у кресел. Он обогнул стол и Подошёл к вскочившей Наташе.

– Каюр. Погонщик оленей – это каюр, – шепнул опять девочке со стеклянными глазами.

– А? – и поняла, еле заметно улыбнулась.

Вовка сел на кресло, чуть отодвинув от себя девушку. Тронул струны гитары, проверяя настройку, и начал, пальцами перебирая:

– Ах, война, что ты сделала подлая...

Глава 4

Событие девятое

*Испытай один раз полет, и твои глаза навечно
будут устремлены в небо. Однажды там побывав,
на всю жизнь ты обречен тосковать о нем.
Леонардо да Винчи*

*До свидания, девочки!
Девочки,
Постарайтесь вернуться назад.*

Не было слёз. Да и аплодисментов не было. Двое из трёх генералов уже по нескольку раз прослушали. А маршал с генералиссимусом люди видимо закалённые и их песенками не взять. Оставалась только молодая мама Светлана Аллилуева, бросившая сына Иосифа, чтобы именно эту песню и услышать. Вовка постучал пальцами по верхней деке, изображая шаги уходящих девочек и поднял глаза на слушательницу. Светлана стояла у стола по левую руку от отца и держалась за его плечо. Стояла и смотрела в окно, что было за Вовкой и Наташей. В гостиной «Ближней дачи» повисла тяжёлая тишина.

А ведь хорошо спели. По идее, сначала девочка обращается к мальчикам и все разы, когда репетировали и исполняли перед аудиторией, то начинала петь Наташа, но Вовка на последней генеральной репетиции чётко осознал, что зеленоглазка заволнуется и завалит всё выступление, и они решили поменять. Он обращается к мальчикам, а она к девочкам. Думал будет так себе, а получилось даже лучше, чем обычно и Наташа только один раз сфальшивила, да и то, если не слышать оригинала, то и не поймёшь, может это она слезу в голос пустила.

Тем непонятнее было это молчание и тишина. Первой отмерла всё же Светлана.

– Папка, это было здорово. Не соврал Васька – это лучшая песня в СССР.

– Ну, ну. – Сталин похлопал дочь по руке, – Грустная у тебя песня, мальчик. Не соврал. А вот ты, Лаврентий, соврал мне.

Берия сдернул пенсне?

– В чём, Ко... В чём я соврал, товарищ Сталин? – И никакого акцента.

– Ты сказал, что это лучшая песня в СССР. Неправда. Это – самая лучшая песня в СССР. Даже не верится, что мальчик мог такую написать. Жаль, что она грустная. – Сталин достал из кармана платок и промокнул слезинку в правом глазу, – У тебя, Володя, есть не такие грустные пэсни?

– Фомин, а мне говорили, что у тебя про лётчиков есть

песня? – Выскочил, как чёртик из табакерки Василий.

Про лётчиков? Фёдор Челенков, закрыл глаза. Ничего такого он никому не говорил. Як – истребитель? Высоцкого? Но ведь он её пел всего один раз в больнице лётчику, когда тот подарил ему эту гитару. Ещё в Куйбышеве в первый или второй день, как оказался в теле Фомина. Вот это да! Что получается? Получается, что Берия послал в Куйбышев людей или человека, который или которые, всё про Вовку до и после попадания молнии разузнали. Да, КГБ не дремлет. Тьфу, сейчас МГБ. Ну, а чего он хотел? Чтобы его допустили до Самого не разузнав о нём всё, вплоть до цвета носок.

– Як – истребитель? – Вовка посмотрел на теребящего пенсне в руках Берию.

– Пой, давай, Фомин, не томи! – подбежал почти к нему Василий Иосифович.

– Як – истребитель. Необычная песня. Она как бы... Нет. Ладно. Только она уж точно не весёлая.

Вовка снова сел в кресло перебрал струны вспоминая аккорды и начал. Пытался хрипотцы Высоцкого в голос дать, но не получилось, заперхал. Плюнул на хрипотцу и начал по второму разу:

*Я – «Як»,
Истребитель,
Мотор мой звенит.
Небо – моя обитель.
Но тот, который во мне сидит,*

Считает, что он – истребитель.

Раскатистое «ррр» пришло само. Вовка успокоился после первого куплета, смотрел на Василия Сталина и видел, как по мере повествования меняется его лицо. Непонимание, глаза расширяются. Словно спросить хочет, что это дернулся к Лаврентию Палычу, ну точно, он рассказал лётчику Сталину про песню, а потом улыбка тронула сморщенное лицо и оно разгладилось. Когда Вовка дошел до куплета про смерть ведомого Василий Иосифович сник, вспомнил, видимо, эпизод военной своей жизни.

*Досадно, что сам я немного успел,
Но пусть повезет другому.
Выходит, и я напоследок спел:
«Ми-и-и-р вашему дому!»*

Вовка как мог прорычал изображая мотор на форсаже. И резко ударил по струнам, которые обиженно зазвенели. А вот дальнейшего не ожидал. Василий, как-то подпрыгнул что ли рубанул кулаком по воздуху и через всю гостиную бросился к Фомину. Тот еле успел гитару за спину задвинуть. Сталин младший обнял вскочившего Вовку и ткнулся лицом в плечо. Что блин делать. Обнять в ответ по спине похлопать успокаивая. Пацан же ещё совсем. Ну, по сравнению с Челенковым-то точно. Положил руки всё же на плечи успокаивая. Васька всхлипнул и ещё сильнее вжался в плечо. И тут

это же проделала и Светлана. Подбежала и сбоку Вовку и брата заодно обняла.

Событие десятое

У нас мало песен веселых. Большая часть наших песен отличается тяжелой грустью.

Николай Александрович Добролюбов

Стояли так минуту целую. У Фомина просто дыхание остановилось. Боялся испугнуть этих воробышков, без матери и отца выросших.

– Кхм. – Кашлянул Сталин и достал из кармана чуть мятого белого кителя трубку короткую, – Опять удивил ты меня малчых. Хорошая пэсня, толко опять грустная. Да. – Он, огляделся и тут же Власик положил перед Вождём коробочку зелёно-чёрную с папиросами Герцеговина Флор. – Да, война была тяжёлая. Много хороших смелых людей погибло. – Он сломал одну папиросы, отделяя гильзу от мундштука и замерли руки. – Много, очень много погибло. Только мы победили. Радоваться надо. Теперь будем хорошо и всё лучше и лучше жить. Нужны весёлые пэсни. Люди и так всё про войну плохое знают. У тебя, малчых, есть весёлые песни?

Челенков совсем исходя из других соображений подготовился. Считал, что раз Сталин любит блатные песни в исполнении Утёсова, то ему просто именно блатные песни и нравятся. А нравились не блатные, а весёлые. А их почти не было в стране. Ну, вот только у Утёсова, наверное и были. Ту же песню про околевшую кобылу и пожар регулярно по

несколько раз в день гоняли по радио.

Челенков подготовил блатную, ну, почти блатную. Но заканчивалась она вполне себе весело. Её они с Наташей и готовили, последние дни. Её и генералам представили. Васька отреагировал тогда бурно в квартире, потребовал слова и с ними стал петь второй раз. Не попадая в ноты, но довольный страшно.

Младшие Сталины отошли от Вовки, оба слёзы вытирая.

– Так точно, товарищ Сталин, у меня есть весёлые песни.

– Если есть, то пой, посмотрим, как молодёж умеет шутить, да Лаврентий? – Иосиф Виссарионович отмер и стал набивать чёрную от времени трубку серо-зелёными табачными стружками.

– Я, думаю, Володя нас опять удивит. Удивительный мальчик, – Берия подошёл поближе к Сталину и уселся на краешек стула, через ряд от Самого.

Папка мой давно в командировке!

И не скоро возвратиться он!

К моей мамки ходит дядька Вовка!

Он вчера принёс одеколон!

Вовка, пихнул замершую с саксофоном Наташу, опять зависла будущая артистка. Ну, после обнимашек с детьми Сталина у Вовки у самого голос дрожал, но получалось от этого только лучше, словно и, правда, обиженный мальчик поёт. Но вот Наташе отключаться нельзя, иначе песня рваная по-

лучится и весь её шарм уйдёт, развалится на куски. Зеленоглазка не подвела, вступила и в ноты попала точно.

*И как только вечер наступает!
Меня мамка рано ложит спать!
Комнатку на ключик запирает!
И с кровати не даёт вставать!*

Опять вступил саксофон поддерживая обиду маленького мальчика.

Фомин наблюдал за Сталиным. Тот сделал затяжку из трубки, неглубокую, а потом понемногу выпуская дым, стал наклонять голову к правому плечу, как бы прислушиваясь одним ухом к словам. На втором куплете улыбка чуть тронула губы, кончики усов седых поползли вверх. После третьего куплета Вождь даже ухмыльнулся и несколько раз качнул головой в такт песне.

*А я не буду таким дурным как папка!
И женюсь я лет под сорок пять!
И накажу жене своей я строго!
Дядьку Вовку в дом к нам не пускать!*

https://www.youtube.com/watch?v=Yh309kmK_tk

«Дядьку Вовку в дом к нам не пускать» – пропел саксофон зеленоглазки и музыка оборвалась.

Первым засмеялся Сталин, при этом глаза в основном

смеялись, лучики пуская, остальное лицо только пыталось глаза эти поддержать, кончики губ вверх поползли, лоб наморщился. Сталин кхекнул даже пару раз.

– А, Лаврентий, скажи, смешная песня!? Молодэц мальчик. Скажи, Лаврентий.

– Да, Коба, смешная песня и Володя молодэц. Не зря ему Тито орден дал.

– Ордэн. Нет. За одну песню у нас в стране ордена не положены. У тебя, Володя, есть ещё весёлые пэсни? – Сталин вновь сунул трубку в рот, до этого просто в руке держал, забыв о ней. Песню слушал. Трубка успела погаснуть. Он недовольно крутнул рукой с зажатой в ней чёрной трубкой. Сейчас же подошёл Власик и, чиркнув спичкой, поднёс Сталину огонёк. Тот сделал два глубоких вдоха и окутался дымом как вулкан Тятя на Камчатке.

– Есть одна песня, только она немного неприличная. – Фомин встал и посмотрел на Светлану.

– Матершинная что ли? – водрузил пенсне на нос Берия.

– Нет, не матершинная, ну, – Вовка замялся. – Про баню.

– Если не матершина, то пой. Чего время тянуть, – Сталин вновь окутался дымом.

Ну, напросились. Фёдор Челенков чувствовал, что одной песней не обойтись, и долго вспоминал блатные, даже «Владимирский Централ» пытался вспомнить Михаила Круга. И уже, взяв ручку и написав первый куплет, понял, что нет, не пойдёт. И тут мысль метнулась в сторону и выдала на гора

другую песню Круга:

*Помню, как в счастливом, голопузом детстве,
Что ни в сказке, ни наврать, ни описать
Меня мама брала в баню на Советской,
И давай меня тереть и отмывать.*

Не смотрел на зрителей. Песню всего несколько раз про-
репетировал и боялся, что сойдёт, перебирал струны, пел,
и только когда дошёл до мочалки тети Зины, решил взгля-
нуть на людей, что собрались позади Сталина. Но взгляд дёр-
нулся и зацепился за Лаврентия Палыча. Тот прямо хохотал.
Потом и на Сталина перевёл глаза, тот тоже смеялся и при-
хлопывал ладонью в такт по столу.

*Как мамины подружки, мамины подружки
Трут меня мочалками по всей спине...*

Сделал паузу. Длинную. И закончил чуть тише:

*Маминых подружек голенькие дочки
Трут меня мочалками по всей спине...*

Не удержался и похулиганил, повторив ещё раз:

*Маминых подружек голенькие дочки
Трут меня мочалками по всей спине...*

Событие одиннадцатое

Цель средней школы – средний ученик.
Тамара Клейман

*Наилучшее в мире образование – полученное в
борьбе за кусок хлеба.*
Уэнделл Филлипс

Заставили спеть ещё раз. Припев про маминих подружек уже все подпевали, особенно выделилась Светлана, стараясь при этом не захохотать и всё равно прыская.

После второго раза уже спокойнее подошли генералы, все трое и похлопали Фомина по плечу. Генералиссимус и маршал хлопать не пошли. Они разговор затеяли.

– Нет, Лаврентий, опять ты не прав, – сказал Сталин молча утирающему слёзы на глазах от смеха выступившие беленьким серо-зелёным платочком Берии.

– В чём, Коба? – Лаврентий Павлович встал.

– Даже за две песни... Даже за две очэн хорошие песни... За две смешные песни в СССР ордена не дают. Пусть Тито дал, а мы не дадим. Мы по-другому поступим. Ты, Лаврентий, свяжись с Александром Фадеевым пусть Владимира Фомина примут в Союз Писателей СССР. Там две или три рекомендации нужны. Ну, скажи, что ты рекомендуешь и я рекомендую. Как думаешь, достаточно наших рекомендаций

будет Фадееву? – чуть дёрнул правой щекой Сталин.

– Я его очень сильно попрошу, товарищ Сталин, – повторил половину улыбки Берия.

– Хорошо, очень попроси. Я, что думаю, орден у малчыка уже есть, а вот денег, наверное, мало. Молодой, дэнги нужны, за дэвочкой, вот, ухаживать, – Сталин кивнул на Наташу Аполлонову, – цветы дарить, конфетами угощать. Хорошие песни пишет, вся страна будет петь, пусть заработает на конфеты и цветы. У нас в стране любой труд почётен и конечно любой труд должен быть справедливо оплачен. Есть такое мнение.

– Так может, Коба, и в Союз композиторов позвонить. Мелодия у второй песни прямо так и заставляет ногами притопывать. – показал, как притопывал в такт песне Берия.

– А вот тут ты прав, Лаврентий, очэнь хорошая мелодия. Кто у нас председатель Союза Советских композиторов СССР (ССК СССР).

– До этого года работой Союза Советских композиторов руководил Оргкомитет. Первый съезд Союза композиторов состоялся в апреля этого года. Председателем Союза композиторов СССР на этом съезде был избран Борис Асафьев, он же стал после съезда и генеральным секретарём СК – выдал справку быстрее и качественнее Википедии Берия.

– Борис, так Борис, позвони Борису. Давай, тоже вдвоём поручимся за малчыка.

– Там сложность возникнет, Коба. Членом Союза Совет-

ских композиторов может стать только человек с музыкальным образованием. – усмехнулся Берия, специально назвав проблему громко, чтобы все слышали. Ну, все и так прислушивались к разговору. Тишина в гостиной стояла.

– Вай. Да, нэхорошо. Володя у тебя какое образование?

– Восемь классов, товарищ Сталин, – вытянулся Фомин.

– Подожди. А как же ты собираешься ехать в следующем году на фестиваль молодёжи и студентов в Вэнгрию. Аркадий Нокалаевич сказал, что туда нужно футбольную команду вэсти и лёгкоатлетов. Товарищ Аполлонов, ты же говорил, что нэобходимо быть студентом, чтобы принять участие... – Сталин всем телом, не поворачивая головы, развернулся к Аркадию Николаевичу.

– Мы подумаем, товарищ Сталин...

– Ай, что думать, Лаврентий, нужно мальчика записать в Школу милиции. Он же динамовец. Ещё ведь не поздно, есть время?

– Так точно, товарищ Сталин, приём заявлений в Московскую ССШМ до двадцатого августа.

– Вот и хорошо, запиши малчыка. А по композиторам. Что ж, пусть один раз сделают исключение. Только один раз, Лаврентий. Володя, а ты не хочешь учиться на музыканта? – Сталин опять всем телом развернулся к Фомину.

– Нет, товарищ Сталин, я хочу стать футболистом.

– Да, а хоккей, товарищ Аполлонов говорил, что нужно вести команду на кубок Шпенглера-менглера в Швейцарию.

Выиграете в хоккэй канадский?

Вовка завис. А потом, что про промежуточный патрон советы давать, или что Хрущёва нужно не допускать до власти. Даже не смешно. Только отвечать нужно, сам ждёт. Как начать-то правильно.

– Должны победить, товарищ Сталин, очень сильны канадцы и чехи. Но ведь, когда война начиналась, нам не сразу удалось немцев побеждать. Сначала учились воевать. У них был опыт, они всю Европу захватили. Мы тоже приобрели опыт и стали бить их. Так и в любом спорте. Обязательно надо принимать участия в международных соревнованиях и набираться опыта. Наберёмся и всех будем бить. Хоккеисты станут многократными чемпионами Мира, Европы и Олимпийских игр. Там проще, всего два настоящих соперника – Канада и Чехословакия. В футболе много сильных команд. Особенно в Южной Америке. Потому, нашей команде обязательно нужно ехать на чемпионат Мира в Бразилию. Мы побеждали европейские команды, южноамериканские сильнее, нужно научиться побеждать, их и тогда нам не будет равных в Европе. – Опять занесло, но начав говорить и поймав кураж какой-то Вовка уже не смог остановиться. Глядел прямо в глаза Сталину и говорил и говорил. Еле одёрнул себя.

Сталин усмехнулся и переглянулся с Лаврентием Павловичем.

– Вот тут ты точно прав, Лаврентий, крепко его молния ударила. Мне почти то же самое товарищ Аполлонов гово-

рил, я слушал его и сомневался, а тут малчик шестнадцатилетний говорит лучше генерала. Ему верю. Всё правильно говорит. Понять бы ещё откуда он это всё знает. – Сталин подозвал рукой Власика.

– Власик, распорядись, пусть обед подают. Песен напелись, проголодались.

Да, Лаврентий, ты позвони Борису этому в Союз композиторов, пусть на пластинки запишут мне песни, что этот малчик Володя поёт. Устанешь вечером, поставишь эту пластинку про голеньких подружек маминых и полегчает, как думаешь, Лаврентий.

– Обязательно, Коба и с режиссером поговорю, пусть быстрее фильм по песням снимает.

– Хорошо, давайте все за стол.

Глава 5

Событие двенадцатое

*Что было – уже есть, и чему быть – уже было.
Царь Соломон, из книги «Экклезиаст»*

Добрый день, уважаемые читатели. Данная глава написана в основном Дмитрием Политовым автором присутствующего на АТ романа «Выключай телевизор, хэппи-энда не будет!» Я лишь немного подправил. Если вам нравятся книги про футбол, то обратите внимание на его цикл.

<https://author.today/work/202641>

Пробкам на улице Горького и Ленинградском шоссе Вовка уже не удивлялся. Вот, вроде, и машин в Москве раз-два и обчёлся, но в день матча, казалось, они собирались неподалёку от стадиона «Динамо» не только со всей столицы, но и из области. Как минимум. Даже десяток автобусов, как у группы Жеглова притарахтело, пофыркивая чёрным дымом из ржавого глушителя. А уж сегодня, когда решалась судьба чемпионства... Даже невзирая на довольно прохладную погоду – синоптики пообещали всего-то пять градусов тепла – уже часов с двух к Петровскому парку всеми маршрутами

шёл люд футбольный. И плевать, что у большинства из тех, кто стоял сейчас терпеливо у ограды динамовского комплекса, не было даже теоретических шансов попасть внутрь, болельщики не уходили, а жадно ловили шум с переполненных трибун, сопереживая происходящее со счастливыми обладателями билетов.

Генерал-полковник Аполлонов перехватил Вовку в тоннеле подтрибунного помещения, когда юный форвард собирался выйти на предматчевую разминку с остальными динамовцами.

– Ну что, Володя, – несколько возбуждённо сказал он, крепко сжав плечо парня. – Надеюсь, не подведёшь. Все, что мог, сделал. Четыре часа, если не в курсе, копыя ломали, кого назначить судить игру. Сошлись на Сааре. Товарищ спокойный, уравновешенный – настоящий прибалт. Зато свистками ненужными дёргать не будет. Тем более что в пристрастности никогда замечен не был, всегда судил объективно.

– Саар? – наморщил лоб Вовка, вспоминая. – А, видел такого. Он ещё любит на месте нарушения по стойке «смирно» замереть и требует, чтобы штрафной пробивали именно с этого места. Ни сантиметра вправо-влево не отойдёт. Забавный.

– Не знаю, что ты в этом увидел такого забавного, – сухо произнёс генерал, – но жду от тебя результат. И учти, от того, как вы сегодня сыграете, а, в частности, ты сыграешь, зависит принятие многих важных решений. Не маленький,

чай, понимать должен, что отстаивать твои предложения по международным турнирам будет легче, если исходят они не от самонадеянного мальчишки, а от чемпиона страны. Усёк?

– Да ладно вам, Аркадий Николаевич, – проворчал Вовка. – Что я, совсем уже того? Молнией ушибленный? Понимаю все.

– Хрен тебя знает, стукнутого, – откровенно признался генерал. – Ты ведь как мина замедленного действия, никогда не знаешь, что сотворишь в следующую секунду. Одна твоя речь на «Ближней даче» чего стоит. А вон, на выезд отправился, так в больнице полумёртвого еле отыскиали, – Аполлонов кивнул на «героические» отметины на многострадальной черепушке пацана. – Ладно, двигай.

А вот это было обидно. Обидно и несправедливо. Фомин хотел было сдерзить, но взглянул на напряжённое лицо Аркадия Николаевича и промолчал. Нервничает «тестюшка». Понять его можно. Что ж, постараемся, как говорится, не посрамить, оправдать и прочая, прочая. Ага, Филатов за него сказал, даже думать не надо: «Оправдаю. Отслужу. Отстрадаю. Отсижу».

Рёв семидесяти тысяч зрителей оглушил, едва только Вовка вышел из тоннеля. Юноша осмотрелся. Люди толпились даже в проходах. Кто-то из футболистов говорил, что на эту встречу со всех уголков страны поступило чуть ли не полмиллиона заявок. Где-то там и зеленоглазка. А ведь он по-

обещал, что обязательно забьёт сегодня. Забьёт и посвятит этот гол ей. Так и скажет Синявскому, когда тот будет интервью брать у самого молодого чемпиона СССР по футболу: «Не видел я мяча, и ворот не видел, только глаза зелёные перед глазами стояли». Тавтология. Тогда так:

«За улыбку Милой всем забить готов,
Всем, без исключений, и ненужных слов».

– Что, пионер, ссыкотно? – И сильный шлепок по плечу, вырвал из воспоминаний. – Коленки не трясутся?

А это кто у нас тут такой дерзкий? Фомин резко повернулся, слегка сжав кулаки.

Высокий плечистый парень со стрижкой под «бокс», как у многих фронтовиков, смотрел на него с широкой доброй улыбкой. Бобров.

– Да нет, – как можно спокойнее ответил Вовка. – Чай, не в первый раз на поле выхожу.

– Ну-ну, – усмехнулся нападающий армейцев и побежал на свою половину поля. Фомин проводил его внимательным взглядом. От того, как сегодня покажет себя центрфорвард ЦДКА, тоже многое будет зависеть для итогового результата. Интересно, он уже пообещал Василию Сталину перейти в его команду? Ладно, проехали.

Компанию Вовке в передней линии сегодня должны были составить Бесков, Трофимов и Ильин. Под ними, в полузащите, Блинков и Малявкин. Петров, Радикорский, Леонид Соловьёв (капитан команды) и Савдунин – в обороне. Ну и

Хомич в рамке. Жаль, конечно, что Третьяков пока сыроват. Так, по крайней мере, считает Михей. Фомин с ним был не совсем согласен, но, покамест, не обострял. Надеялся, что земляку представится возможность показать, на что он способен.

Собственно, классические 4-2-4. Якушин уже играл по этой схеме в 45-ом, но почему-то без особого продолжения. Похоже, сам не понял, что здорово опередил свое время в плане тактических построений. Хорошо, что сейчас не стал выдумывать, а согласился с предложениями Фомина. И динамовцы усердно отрабатывали на тренировках взаимодействие, исходя именно из этой расстановки. Наигрывали комбинации, доводили до автоматизма действия на стандартах. Игроки ворчали, не желая мириться с новшествами, что исходили от зелёного мальчишки, но результаты... результаты заставляли замолкнуть даже самых недоверчивых. Да и игры с «бубликами» ещё были свежи в памяти. И то, как их, заслуженных-перезаслуженных возили такие же сопляки.

Свисток. Начали!

Армейцы, которым сегодня нужна была только победа, с первых минут пошли на решительный штурм. И как тут сдержать обещание, невольно подумал Вовка. Ломят, черти в красных майках, как будто им в раздевалке скипидара на одно место капнули. Нет, капнули и тряпочкой фетровой

усугубили.

Особенно легко нападающие ЦДКА прорывались по флангу, который должен был держать Саша Петров. Да-да, тот самый, что забил пятый гол на Олимпиаде в Хельсинки в злосчастном матче с югославами. Но в нынешней истории это уже вряд ли произойдёт. Так вот, сегодня явно был «не день Бэкхема» – Гринин раз за разом прокидывал мяч мимо растерявшегося вконец защитника «Динамо». Поначалу все заканчивалось благополучно. Но, как только в одном из эпизодов центральный защитник Леонид Соловьёв покинул свое место и устремился на помощь провалившемуся опять партнёру, как немедленно последовала расплата. Гринин вырезал точную передачу в опустевший центр штрафной, где кожаную сферу уже караулил стряхнувший своего опекуна Бобров. 1-0

Трибуны зашлись от восторга. Особенно та их часть, что до сих пор носила солдатские и офицерские шинели. Болельщики «Динамо» горестно молчали. Свисток арбитра, который указывал на центр, был практически неразличим в шуме стадиона.

– Зачем? – страдальчески простонал на скамейке запасных Якушин, хватаясь за голову. – Черт возьми, почему оставили зону? Сто раз ведь предупреждал. Эх!

– Подожди, не паникуй раньше времени, – Чернышев, сам бледный и дёрганный, постарался приободрить старшего тренера. – Сейчас Фомин им покажет, где раки зимуют.

– Да что твой Фомин?! – взорвался вдруг Якушин. – Где он? Растворился, исчез! Ни одного полезного действия.

– Так прошло всего три минуты, – Аркадий Иванович демонстративно указал на часы. – Весь матч впереди.

– Ну-ну, – с угрозой процедил Якушин и отвернулся.

Динамо́вцы чувствовали себя на поле неуютно. Поймавшие кураж армейцы играли раскованно, легко. Наигранные комбинации следовали одна за другой. Казалось, что ещё немного и они отгрузят в ворота Хомича голов пять-шесть, не меньше.

А Вовка в эти минуты вообще оказался на голодном пайке. До него попросту не доходили передачи. Они с Бесковым даже отошли назад, почти к центральному кругу, в надежде, что пройдёт какой-нибудь пас. Но тщетно.

Тем неожиданнее для зрителей оказалась ситуация, когда Фомин вдруг подкараулил неудачный отскок мяча, мимо которого махнул ногой защитник ЦДКА Нырков и рванулся вперёд, будто выпущенная из лука стрела. Крутанул изящной «русской мельницей» Кочеткова и вот уже впереди маячат лишь ворота соперников.

– Пас! Дай пас! – закричал отчаянно Бесков, летя с ним параллельным курсом. А, пожалуйста. Вовка показал вышедшему вперёд голкиперу, что будет уходить направо, обыгрывать, а сам вдруг взял, да и катнул аккуратно круглого на партнёра. И даже не стал досматривать эпизод до кон-

ца, а спокойно повернулся и пошёл обратно. Чего там неясного? 1-1

Среди шквала аплодисментов, которым взорвались трибуны, показалось, или взаправду различил голос Наташи Аполлоновой? Да ну, точно показалось. Хотя...

– Повезло тебе, пионер! – больно врезался в плечо кто-то из армейцев. – Смотри, в следующий раз ноги с корнем вырву.

Да-да, мели Емеля, пока твоя неделя. Трус, как всем давным-давно известно, ни в хоккей, ни в футбол не играет.

– Что я тебе говорил! – радостно тряс Якушина за рукав воспрявший духом Чернышев. – Фомин – это уникам! Ви-дел, как защитника финтом убрал? Как ребёнка развёл. А пас, пас какой отдал Бескову? Чертёнок!

– Не кажи гоп раньше времени, – хмурился Михей.

И ведь как в воду глядел. Его подопечным сейчас бы взять, да и добить растерянного таким неожиданным поворотом соперника, а динамовцы решили удержать победный для них ничейный результат и стали осторожничать. Отошли назад и расположились в оборонительном построении. И что? А вот дали таким образом футболистам ЦДКА прийти в себя, перестроиться и, получите, стремительный, словно ртуть, Валентин Николаев обвёл двух соперников и, не сближаясь, нанёс точный удар в верхний угол. 2–1. Вовка был далеко, но видел через спины, что Хомич даже не дёрнулся. Ждал видимо, что армеец будет ещё правее смещаться. дождался! У

моря погоды.

Гроза гремела в перерыве в динамовской раздевалке. Якушин обрушился на своих игроков, что устало расселись по своим местам. Вовка вытирал лицо полотенцем, когда вдруг прилетело и ему.

– Выгоню! – ярился Михай. – К чёртовой матери выгоню. Ещё один такой фортель, Фомин, и пойдёшь пешком обратно в Куйбышев!

– Какой фортель? – растерялся Вовка. Он никак не мог понять, в чем именно его обвиняет старший тренер. Играл пусть и не на высший балл, но уж и не на «неуд».

– Играть надо с партнёрами, – подскочил к нему Якушин. – А не перед девочками на трибунах пижонить. Почему Трофимов дважды вхолостую по краю проходил? Не заметил?

– Так там сначала Бесков в выгодной позиции находился, а потом Ильин, – пытался оправдаться Вовка.

Но старший тренер лишь ещё больше завёлся и принялся отчитывать его уже не по-детски.

– Ни одной толковой передачи, – громко говорил он, глядя немигающим взглядом на Фомина. – Сегодня ты толком не отдал ни одной толковой передачи. Твоё наплевательское отношение к коллективу удивляет и настораживает. Ребята в тебя верят, ждут, а ты лишь покрасоваться жаждешь.

Вовка вскинулся. Да сколько можно терпеть и слушать эту откровенную чушь? Но вдруг парень заметил, как из-за

спины Якушина ему предостерегающе машет руками Чернышев. «Молчи!» – прочитал форвард по губам тренера. – «Молчи!» И Фомин покорно опустил голову, чтобы вошедший в раж Михей не прочитал на его лице истинные чувства. Как там однажды сказал Борис Михайлов, когда Тарасов разрешил ему бить в ответ распоясавшихся сверх меры канадцев: «Мы их голами накажем!»

Правда, легче сказать, чем сделать. ЦДКА – это вам не какой-нибудь «Локомотив» из Ашхабада. Здесь тоже собраны отменные мастера. И сушить игру они умеют великолепно. Пару раз Вовка прорывался через частокол ног, но на его пути неизменно вырастал, как из-под земли, очередной игрок в красной майке и мяч выбивали куда подальше. А наладить нормальную комбинационную игру с одноклубниками все никак не получалось. Такое ощущение, что динамовцев сегодня словно подменили, настолько они беспомощно выглядели именно в командной игре, что так долго и кропотливо ставили команде в последние месяцы. Неужели уже начали сливать Якушина, пришло невольное на ум Вовке. Да нет же, не враги ведь они себе. Эх, сюда парочку человек из его молодёжки, да хоть одного Ишина с его точными пасами поперёк поля. Нет, всё забыли «звёзды» опять если у тебя мяч оказался, то надо «бросить все дела» и вести его к воротам, дриблинг демонстрируя. Зря он уговаривает Аполлонова. Вот с такой манерой игры их бразилыцы с уругвайцами под плинтус загонят.

В очередной атаке Фомину удалось накрутить опекуна и проскочить по центру почти до границы штрафной.

– Бей! – зашлись криком болельщики «Динамо». – Бей!!!

Но Вовка коварно выдержал паузу, дождался, пока под его замах бросится на землю в отчаянной попытке заблокировать удар Анатолий Башашкин и выдал диагональный пас на ворвавшегося слева Трофимова. Тот прошёл почти до лицевой, а потом сильно прострелил вдоль ворот Никанорова. И, надо же случиться такому, Иван Кочетков, пытаясь перехватить эту передачу мастерски залепил мяч прямо под перекладину мимо опешившего голкипера. 2–2.

Если подумать, игрока армейцев было даже немного жаль. Забить автогол в таком матче. Нет, это и врагу не пожелаешь. Фигура застывшего футболиста ЦДКА, что схватился в отчаянии за голову, всем своим видом выражала вселенскую скорбь. Даже самые рьяные поклонники «Динамо» в этой ситуации выражали свой восторг довольно сдержанно.

– Затравят парня, – сочувственно крикнул в ложе почётных гостей Василий Сталин, потянувшись за графинчиком. – Если только сейчас армейцы не забьют.

– Василий Иосифович! – вскинулся Аполлонов, что сидел рядом с сыном вождя. – Что ж вы так «Динамо»-то не любите?

– А вот перейдёт ко мне твой Фомин и этот, как его? А, точно, Третьяков, тогда и полюблю! – весело ухмыльнулся

Сталин-младший. – А пока, извини, Аркадий Николаевич!

По старой традиции за пять минут до конца матча на стадионе прозвучал гонг. Одним он намекал, что осталось продержаться совсем чуть-чуть, другим – идите вперёд, терять уже нечего!

И ЦДКА отчаянно пошёл в последнюю атаку. А нет, «кони» ломанулись. С диким ржанием. Или это сап такой громкий? Сип? Да, кто их коней разберёт? На самом же деле было не до шуток. Начал её главный антигерой встречи, защитник Кочетков. Получив пас от Башашкина, он смело двинулся за центральную линию. Прошёл на скорости Блинкова, а потом сделал точную передачу на Николаева. Форвард армейцев находился в выгодном положении, но, как и Фомин немногим ранее, сам бить по воротам Хомича не стал. Тем более что по левому краю уже устремился в штрафную его партнёр по атаке Соловьев.

– Плотнее! Держите плотнее, – вскочил на ноги Якушин, предчувствуя недоброе. Но Блинков и Леонид Соловьёв словно оглохли в тот момент и упустили соперника.

Удар!

Мяч со звоном ударяется в штангу и отлетает в поле. А там уже набегает Бобров. Го-ооол!

«Бобров – золотые ноги!» – кричал в этот момент в свой микрофон комментатор Вадим Синявский на всю страну. – «Золотые ноги Боброва делают ЦДКА чемпионом!»

– Хома, что с тобой? – игроков «Динамо» в этот момент

заботил, как ни странно, даже не пропущенный мяч, а то, что их вратарь никак не может подняться с газона. Секундами ранее он совершил отчаянный бросок и, по всей видимости, сильно врезался в стойку ворот.

— Рука, — едва проговорил-прошептал белый от боли Хомич. — Руку совсем не чувствую.

— Доктор! — крикнул Леонид Соловьёв, пытаясь перекрыть шум торжествующего и одновременно страдающего стадиона. — Доктора на поле!

Помощь голкиперу динамовцев оказывали минут пять. Все это время сухопарый эстонец Саар терпеливо ждал, пристально наблюдая за действиями врача. Наконец, Хомич занял свое место в воротах. Правая рука у него висела, как плеть.

Интересно, подумал Фомин, даст эстонец доиграть это время или свистнет сразу же, как только мы разыграем с центра? Вообще-то он педант страшный, должен дать время хотя бы на одну атаку.

— Константин Иванович, давайте, как на последней тренировке, через забегания, — Вовка прикрыл нижнюю часть лица рукой, чтобы никто из соперников не прочитал его по губам. Смешно, конечно, предлагать сыграть таким образом человеку, который спустя много лет как раз и будет ставить такую игру в московском «Спартаке». Вот ведь, выверты мироздания.

Отпасовав Бескову, форвард помчался вперёд. Бежал и не слышал шум на трибунах, почти с закрытыми глазами, умоляя судью не свистеть. Несколько точных передач и вот уже Ильин бежит по правому краю, высоко подняв голову и высматривая возможного адресата для последней, голевой передачи.

– Судья, время! – истошный вопль какого-то болельщика прорезал тишину, которая неожиданно опустилась над стадионом. Семьдесят тысяч зрителей замерли, ощущая буквально кожей, как стремительно тают песчинки последних секунд, отпущенных динамовцам на эту атаку.

– Заткнись ты! – резко бросил крикуну седой как лунь мужчина в распахнутой на груди солдатской шинели, где на выцветшей добела гимнастёрке виднелись два ордена Славы. А ещё две золотистые ленточки за тяжёлые ранения. И замахнулся костылём. – Смотреть не даёшь, гад!

И вот, в этот самый миг, когда должна была прозвучать резкая трель свистка, Ильин по красивой дуге направил мяч в центр штрафной. А секундой ранее Вовка отпихнул рукой повисшего на нем армейца, взлетел в воздух, не сводя глаз с опускающегося прямо на него кожаного снаряда и, поймав с точностью компьютера ту самую, нужную точку, сложился и с силой пробил по нему через себя «ножницами».

Глава 6

Событие тринадцатое

*Наличие хорошего врача в городе – благодеяние
Господне.
Парацельс*

*Иногда доктора бывают полезны.
Антон Павлович Чехов*

24 сентября закончился один из самых неоднозначных чемпионатов СССР по футболу. Не стоит думать, что в Спорткомитете собрались дебилы и другие разные, которые ни хрена в футболе не понимают. Нет, там сидели умные люди. Профессионалы. Тогда почему устроили эту чехарду? Максималисты. Поколение победителей. Хотелось вовлечь в футбол весь огромный Советский Союз. Подтянуть республики Кавказа и Средней Азии к уровню Москвы и ведущих клубов Украины. А ещё понимали, что если футбол будет замкнут практически на одной Москве, то прогресса не будет. Решили, что такие города, как Свердловск и Челябинск смогут создать приличные команды. И может быть, у них всё бы получилось и совсем по-другому через пять, ну, десять лет, выглядел бы футбольный Советский Союз. Массо-

вый интерес вытащил бы наверх новых звёзд, а в республиках создали бы школы, построили стадионы. Играл же двух или трёхмиллионная Швеция на уровне грандов мирового футбола, так в Ташкенте одним населением не меньше, чем во всей той Швеции. Нужно просто заразить жителей этого Ташкента любовью к футболу.

Не получилось. Малости не хватило. И эта малость называется – авиасообщение. Как добираться из Свердловска в Ашхабад? Самый большой пассажирский самолёт на то время – Дуглас, или его лицензионная копия Ли – 2, летал со скоростью в среднем двести семьдесят километров в час, и мог перевезти шестнадцать человек на расстояние чуть больше двух тысяч километров. При этом на перелёте от Свердловска до Ашхабада он сожрёт такую массу бензина, что матч по футболу между «Локомотивом» Ашхабада и «Авангардом» Свердловским можно будет в книгу рекордов Гиннеса заносить, как самый дорогой матч в Море. Нужно ведь как минимум два самолёта, дубль нужно с собой основе прихватить. Расход топлива на Советском Дугласе 250 приблизительно литров в час. А лететь с посадками и дозаправками чуть не сутки. Вот и посчитайте.

Хотели чуть исправить ситуацию организаторы, разбили команды на зоны, но даже с этой разбивкой получалось слишком далеко и дорого. Было куда деньги девать в разрушенной войной стране. Люди в землянках жили, питались впроголодь.

Потому, чемпионат прервали, переформатировали и оставили четырнадцать команд из тридцати. Семь московских команд, две Ленинградские, ну и Тбилиси Киев, Минск. Из промышленных центров только две команды и осталось: «Торпедо» Сталинград и «Крылья Советов» Куйбышев. И обе не показали ничего выдающегося. Восьмое и одиннадцатое место из четырнадцати возможных.

Закончился чемпионат победой московского «Динамо».

25 сентября Фомин встал с железной скрипучей кровати с трудом. Сам поскрипывая. Забивая золотой матч «ножницами», и пах растянул, и крайне неудачно приземлился на спину. Сейчас и ноги отказывались ходить по-человечески, и спина скрючилась. Думал, по дороге, да в метро расходится, но получилось, наоборот, в метро какой-то активный на всю голову пассажир, прозевал, видимо, объявление об остановке и стал распахивать преграду между собой и возжеленной дверью локтями. Ну и саданул Вовке по больной спине, того, аж ток прошиб вольт в 300. Чуть не заорал на весь вагон. Продышался, согнувшись, и когда остановку его объявили, хотел выпрямиться и выйти. Выйти-то вышел. Народ вынес, а вот выпрямиться не получилось, так, скрючившись, и добрался до раздевалки. Основе Михей дал два дня отдыха, перед играми на Кубок время было, ну, а мужики должны же были отметить выстраданную победу. С Вовкой всё не так просто, да, в списки на награждение Якушин его внёс. Хотя десятая игра за команду была под вопросом. Это и был

тот самый отменённый матч с «Локомотивом» из Ашхабада. Но награда, наградой, Вовка всё же надеялся, что его не вычеркнут, он же решающий мяч забил, да и Аполлонов полюбому будет списки утверждать, не вычеркнет же «зятя». Так медаль, медалью, а вот отменять тренировку «Молодёжки» никто не стал. Положена в десять утра, будьте добры, товарищ Фомин, присутствовать. Нет, не присутствовать – проводить, так как, денюжку за это получаете.

Зашёл Вовка в раздевалку согнувшись и за спину держась, да ещё и правую ногу подволакивая, а там Хитрый Михей и Чернышёв переодеваются, решили стариной тряхнуть и побегать, попинать круглого.

– Доброе утро, – попытался разогнуться Вовка.

– Да, Артист, тебе опять, что ли по голове прилетело? Или ты с утра, что не с той ноги... по заднице получил?!! – покачал своей коротко стриженной головой Михаил Иосифович, пытаясь не улыбаться.

– Упал неудачно вчера...

– Ну, ну. Стой. Ты ведь домой просился, что-то про пальто мне рассказывал. Езжай. Недели тебе хватит. Не заслужил, конечно. Половину сезона, вон, Аркадий Иванович за тебя молодёжь тренирует. Но куда тебе со спиной бегать. Езжай. Третьего октября награждение. Чтобы был как штык. Всё, иди с глаз моих, а то передумую. – И штаны спустил, поджарый зад заголяя.

Вовка проверять не стал, передумает старший тренер или

нет. Пятясь, вышел в дверь. Шутку вспомнил по дороге: «Избушка, изба, повернись к лесу передом, и пошла в зад».

Домой не поскакал, аки сайгак молодой. Пошёл в медпункт. Там было пополнение. После окончания чемпионата, своего, где-то там, в Средней Азии, приехал в Москву защитник «Локомотива» из Ашхабада Виктор Шалимов, которого Вовка заметил ещё весной. Пригласили парня, но то жилищно-коммунальной площади в Москве не было, то жена у него заболела. Потом ещё руководство «Локомотива» упиралось. Но вот теперь и сам Виктор приехал и даже уже пару недель в «молодёжке» тренируется и жену привёз, учащуюся медицинского училища. Аполлонов пошёл Вовке навстречу и договорился, что Виктора призовут в армию во внутренние войска, хотя ему ещё девятнадцати нет, только через месяц исполнится, а жену устроили на «Динамо» в медпункт, расширив штат на одного человека. Будет теперь в команде штатный массажист.

К нему, в смысле, к ней, к Галине Шалимовой, Вовка и пошёл. Похромал. Пошкандыбал.

Галина только называлась массажистом, ходила на курсы, училась в своём медучилище, там один из преподавателей был в Китае в тридцатых годах, работал в Харбине и нахватался немного у местных целителей.

Полезла разминать спину Фомину и ничего хорошего из этого не вышло. Больно. Какие-то блокады в будущем будут ставить. А сейчас чего делать?

– Давай я тебя мазью Вишневского намажу, и ты поле-

жишь под одеялом. — Предложила девчонка.

— Давай. — Ну, хуже-то не будет. Челенков, когда начинал в футбол играть, не раз и не два ею спасался. Потом пришли другие доктора в команду и сказали, что мазь эта вредная и может вызвать рак кожи.

Запахло специфически дёгтем и касторкой и почти сразу чуть полегчало, тепло стало по спине разливаться. Шалимова накрыла Вовку простынкой, сверху положила одеяло, и он лежал, чувствуя, как потихоньку боль уходит. Галина о чём-то щебетала, рассказывала, кажется, о соседях по общежитию и вдруг, прямо вырвала Фомина из этого полудремотного состояния.

— В Ашхабаде, сейчас арбузы на рынке просто копейки стоят.

В Ашхабаде! Там ведь не сегодня, так завтра, случится это землетрясение, погибнет пятьдесят тысяч человек. Фёдор Челенков поморщился, он ни на минуту о нём не забывал, всё ждал, как осень наступила, что вот сегодня, ну, тогда завтра. Когда приехали Шалимовы даже обрадовался. Что ж, хоть двоих человек спас. Потом на даче у Сталина несколько раз во время обеда хотел сказать, что я, мол, сон видел, что в Ашхабаде случится землетрясение и погибнет половина жителей города. Не сказал. Не знал число. А если это ноябрь? То что, люди будут три месяца на улице жить? Да и не поверит Сталин. Зато потом, когда оно на самом деле произойдёт, и люди погибнут, то его товарищ Берия точно в оборот

возьмёт и на опыты пустит.

Не сказал. И вот уже скоро октябрь. Шанс на то, что оно случится в ближайшие дни, вырос на треть.

– Галина, а что у тебя и у Виктора родители тоже в Ашхабаде живут?

– У меня да, а у Виктора они уехали в Курск на родину в этом году весной.

– А у тебя, чем родители занимаются? – может хоть этих удастся спасти.

– Медики. В военном госпитале работают. – Галина подоткнула Вовке одеяло, лежал на узкой и короткой медицинской кушетке, и одеяло всё время сползало с одного бока.

– В гости в Москву ещё не звала? Похвастать, как устроились.

– У них отпуск. Хотели приехать. Только, где же они жить будут? У нас крохотная комната в общежитии, а там папа, мама и две сестрёнки. А хотелось бы им Москву показать, сестрёнок Катю и Светку в зоопарк сводить. На Красную площадь.

– А зови. Пусть срочно выезжают. Я им одну комнату на недельку уступлю.

– Правда, вот, здорово! – захлопала в ладоши Галина. – Я тогда сегодня же в обед и позвоню. Папке на работу. Там дядя Ваня ему передаст потом. А то отпуск кончится, а они и не успеют приехать. Спасибо тебе, Вова, и что нас сюда вытащил, тоже спасибо. Москва. Я вчера на трибуне столько людей видела известных. Даже самого Василия Иосифовича

Сталина. Мне Витька дал в бинокль посмотреть. В орденах весь и медалей десяток на груди. Лётчик! – Девочка вдруг прекратила болтать и подошла к Вовке вплотную. Спросила шёпотом.

– Вова, а правду говорят, что Василий Иосифович тебя в свою команду зовёт, и что ты от нас уйдёшь?

– Тьфу. Пошли их всех этих сплетников! Никуда я из «Динамо» не уйду.

– Здорово. Я им всё скажу. Пусть только ляпнут ещё раз.

Событие четырнадцатое

Моя вина только в том, что я хотел быть лучшим.

*Бензин кончился – летим на самолюбии.
Валерий Павлович Чкалов*

Надобность в пальто отпала. Исаак Яковлевич Розенфельд – старший закройщик ателье «Радуга» сшил Вовке и пальто и двое штанов и пиджак новый, при этом старые вещи все распорол, материал прогладил и, сложив в стопочку и перевязав верёвочкой, вручил Фомину.

– Вы говорили, Володенька, что у вас брат есть младший, так та швея может ему отличные вещи сшить по его размерам. Надеюсь, она жива и здорова, дай бог ей счастья и мужа непьющего.

– И я на это надеюсь. – Сходить на примерку к тётё Свете или «Просто Свете» ну очень хотелось. А про мужа? Так, опосля примерки...

Усугубил всё это богатство Вовка ещё несколькими вещами. Он заказал Исааку Яковлевичу три рубашки. Не множа сущности за образец взяли рубаху, которую Фёдор нарисовал портнихе «тётё Свете» в Куйбышеве, и которую та в перерыве между «подходами» к Вовке отлично сшила, только в этот раз кроме белой сшили ещё и чёрную и из добытого «тестем» вражеского материала типа джинсового ещё и си-

нюю плотную рубаху.

После мази Вишневского полегчало, и Вовка спокойно доехал до Казанского вокзала на метро, правда, всё же стараясь спину, озабоченным срочным покиданием вагона метро, гражданам под тычки и прочие удары не подставляя. Одного раза утром хватило.

Билеты продавали в нескольких кассах, Вовка прошёлся вдоль очередей, выбрал ту, что покороче, но на всякий пожарный занял место и в соседней, так и ходил от одной к другой. Двигалась очередь не спешно. Каждый билет кассир запрашивала по телефону. Потом выписывала на нём номер вагона, место, время отправления, станцию назначения, без электроники тяжело, да даже без обычных шариковых ручек тяжело. Пока макнёт в чернильницу непроливайку перо, пока выведет пару слов, потом снова макнёт. Так что, просто-ять пришлось без малого три часа, так это ещё хорошо, что догадался в две очереди сразу занять место. В той, что покороче случился облом. Кассир ушла на обед.

Где-то в конце уже как-то незаметно, по чуть-чуть опять заболела спина, а у самой кассы всё же получил по ней и локтём, счастливый обладатель билета стал вылезать, стоящая перед Вовкой щуплая бабушка ломанулась к освобождающему окошку и мужчине пришлось выпутывать, из её кошёлочек, тут Вовке и прилетело. Хорошо вскользь.

А потом, когда сам уже с билетами туда и обратно вывёртывался ужом из опять уплотнившейся очереди, то о

край чемодана, что высокий мужчина в шинели держал под мышкой, опять спиной напоролся. Дошёл на улице Вовка до ближайшего телефона автомата и набрал медчасть стадиона «Динамо». Галина Шалимова на месте оказалась. Вовка договорился с ней, что заедет снова на процедуру и опять спустился в метро. Спустился и вышел. Там такая давка стояла, что живым и здоровым не каждый доедет. А с его спиной лучше и не пытаться. Пошёл ловить такси.

Повезло. Нет, такси не поймал. Неожиданно прямо перед ним остановился вишнёвый «Кадиллак» Василия Сталина.

– Фомин, – опустилось стекло в дверце, а там улыбающаяся чему-то физиономия Василия Иосифовича.

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант. – А что теперь учащийся средней школы милиции принятый туда вопреки всем нормам. Нет девятнадцати лет, и в армии не отслужил. Самый молодой за всю историю школы, да даже, всех школ милиции в СССР. Но рекомендации Лаврентия Палыча Берии хватило. Так что теперь, как бы почти милиционер. В школе, правда, был всего раз пять за месяц. То игры, то тренировки, то запись песен на пластинки на «Мелодии». А тут ещё одно отложенное дело проявилось. Вернулся из творческого отпуска Кассиль Лев Абрамович. Из Керчи, где в ускоренном порядке закончил повесть «Улица младшего сына» про пионера героя Володю Дубинина.

Загорелся идеей писатель создать ещё одну книгу о футболе и написать сценарий по ней для фильма. Фильм и книга

будут называться «Русская мельница». И там мальчика футболисты будут учить финтам и вообще дриблингу. Пришёл писатель на стадион и неделю мучил молодёжку, заставляя по сто раз один и тот же финт показывать, и медленно, и быстро, и в игре. Вовка в первый день чуть не закипел. Однако у любого дрючка второй конец тоже есть. За эту неделю и все игроки основы, и все дублёры, худо бедно, освоили и финт Зидана, он же «Русская Мельница», и финт Месхи, и «Бабочку» или «Радугу», и даже финт не финт, но интересный приём Пеки. Это когда он бежит дальше, увлекая за собой игроков соперника, а мяч оставляет следующему за ним без всякой опеки партнёру. С «Сухим листом» не заладилось. Тут сотни тренировок нужно. Ну и потом, уж очень сильно траектория мяча зависит от погоды. Если натренировал этот удар в сухую погоду, то хоть сто раз потом в дождь мокрым мячом пытайся повторить, ничего не выйдет. Мышечная память. Лев Кассиль ходил довольный. Так показав ему мало оказалось, сам засучил штанины и стал защитника изображать, которого финтом обводят. Огорчался, что как мальчика его разводят. Вовка один раз попросил Ишина податься. И Лев Абрамович смог у него мяч отбить, ух радости-то было. Солидный человек и заслуженный всякий писатель прыгал как молодой козлик вскидывая руку вверх и крича «но пасаран». Неделю промучал «Динамо» и стал требовать познакомить его с Наташей, которую метили на роль сестры главного героя. На вопрос: «Почто? Ещё завезёшь

девчонку». Не поняв, чего это Отелло нахмушивается, сообщил: «Ну, должен же я понять характер одной из главных героинь». Пришлось Вовке три дня Отеллу изображать, пока «голубки» чирикали. Девчули молодые, они натуры увлекающиеся, а тут известный писатель. Лучше перебдеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.